ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА

ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА

ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ

68 фототипических снимков с древне - русских памятников, преимущественно XI в., на 29 таблицах

К печати приготовил
и вводною статьею снабдил
проф. Н. М. КАРИНСКИЙ

ЛЕНИНГРАД
1925

Z
115
А-
Больш. форм

Напечатано по распоряжению Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик.

Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург.*

Август 1925

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
001
26

Отпечатано на бумаге выделанной в СССР

Начато набором в июне 1925 г. — Окончено печатанием в августе 1925 г.

Издательство Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик.

Ленинградский Гублит № 16722 — 2 печ. л. — 600 экз. Заказ 1319
Типография им. Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская палеография стала на твердые ноги после замечательных работ И. И. Срезневского и А. И. Соболевского. Однако, работы по истории русского письма до чрезвычайности затруднены вследствие недостатка в систематических изданиях палеографических образцов. Петербургский Археологический Институт еще в 1913 году поручил мне приготовить к изданию образцы книжного русского письма за период времени с XI по XIV вв., при чем первый выпуск этого издания должен был содержать образцы памятников древнейшей эпохи, преимущественно XI в. Отпечатано было 27 таблиц фототипией. Война приостановила работы в этом направлении. Между тем в последние годы мне удалось произвести ряд разысканий в области памятников XI в. Вследствие финансовых затруднений в настоящее время не представляется возможным окончить печатание светописью недостающих образцов для первого выпуска, которые предполагалось включить при первоначальном плане издания, как равно и издать целиком приготовленное мною в последние годы исследование о древне-русских книгах XI века.

Я решаюсь в настоящее время выпустить в свет образцы русского книжного письма XI в. в неполном виде (сравнительно с первоначальным планом издания), с присовокуплением вводной статьи, содержащей извлечение из моей палеографической работы, ввиду того, что и вошедшие в предлагаемое издание снимки дают возможность в достаточной степени характеризовать важнейшие стороны письма древнейшего периода истории русской книги. При выборе образцов я старался отметить типичное, просматривая от буквы до буквы памятники древне-русской письменности XI в. Все снимки исполнены с подлинных рукописей в натуральную величину.

Считаю приятнейшим долгом выразить Российской Академии Наук и академику С. Ф. Платонову глубочайшую признательность за содействие изданию этого моего труда. Российская Академия Наук довела до конца издание, начатое Археологическим Институтом, постановив напечатать вводную статью и произвести все другие типографские работы, связанные с выпуском в свет настоящей книги, между прочим, изготовить и напечатать две таблицы, 27-ую и 28-ую, содержащие снимки.

Москва 15 февраля 1925 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Палеографию обычно определяют как науку прикладную. «Палеография», пишет проф. Щепкин, «есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней их стороны с целью определить время и место их возникновения» [1]). Хотя акад. Е. Ф. Карский и дает определение палеографии, по которому эта наука должна иметь теоретическое значение [2]), тем не менее и он сводит практически палеографию на степень прикладной дисциплины, когда говорит: «наше внимание будет сосредоточено главным образом на рассмотрении старинных рукописей, на указании способов чтения их, отличии подлинности их и точного определения времени, когда они написаны» [3]). Я не отрицаю громадного прикладного значения палеографии и вместе с академиком А. И. Соболевским практические задачи палеографии полагаю прежде всего «в том, чтобы на основании данных рукописей датированных определять время и место написания рукописей недатированных» [4]), а также в том, чтобы отличать подлинность рукописей. Однако, развивая мысль академика Срезневского, который под именем палеографии понимал «знание происхождения, видоизменений и распространения письмен», а также вышеприведенное мнение академика Карского, я отношу палеографию к разряду исторических наук, давая следующее определение этой науке: предметом палеографии является исследование происхождения и эволюции рукописей, печатных произведений и надписей на вещевых памятниках с их внешней стороны, а именно, со стороны 1) материала, на котором писали (вырезывали, вышивали и проч. надписи), 2) характера самого письма (печати, резьбы и проч.), 3) орфографии (графики), и 4) орнамента. Данные о внешней стороне памятника (особенно характер письма) позволяют судить о характере работы писцов, орнаментаторов, резчиков и т. п., об их отношении к заказчикам, об отношении писцов одного памятника друг к другу и проч. Социологический элемент палеографии, с развитием этой молодой науки, все более расширяется.

2. Начальный период русского книжного письма при свете палеографии мы можем изучать лишь на основании показаний памятников XI в., так как седая старина не сохранила вовсе даже ничтожных остатков книг, которые мы имели бы основание отнести ко времени до XI в. Однако, сличая памятники XI в., мы замечаем в них не мало сходного, несомненно унаследованного от предшествующей эпохи русской письменности, что позволяет иногда делать догадки о характере письма еще более отдаленного времени, чем XI век.

Книги XI в., как это можно видеть по снимкам настоящего издания, писаны, по большей части, на пергамене (телячьей коже) очень хорошей выделки [5]). Насколько бывали тонки листы пергамена, видно по просвечиванию букв с обратной стороны листа (см. напр. л. 228 Остр. Ев., Табл. 2). Более грубую отделку пергамена (листы более толсты и с дырами) мы наблюдаем, например, в Служебных Минеях 1095, 1096 и 1097 гг. (см. л. 34 № 89 Типогр. Библ., Табл. 13). Любопытно, что Минеи эти являются единственными памятниками из всех сохранившихся рукописей XI в., которые по данным орфографии мы должны приурочить к Новгороду (ср. также грубый пергамен в рукописи неясного происхождения Ев. 1092, Табл. № 11).

Формат листов рукописей XI в. был весьма разнообразен. Из всех памятников XI — XII вв. наибольший формат имеют Ефремовская Кормчая (Табл. 29) 38 × 29 сант. и Остромирово Ев. 36 × 29 сант. (Табл. 2). Ср. также Ев. Учит. Патр Библ. № 262. Наименьший формат наблюдаем в Сборнике 1076 г. 16 × 13 сант. (Табл. 9). Маленькие форматы редки среди памятников древнейшего периода. Кроме Сборника 1076 г. можно указать еще дополнения к Саввиной Книге (Типогр. Библ. № 14, Табл. 27, сн. 2). Однако, здесь мы имеем дополнения к южно-славянской рукописи, и потому малый формат этой рукописи не зависел от воли русского заказчика. Впрочем, возможно предполагать, что процент рукописей малого размера был значительно больший, чем это мы можем заключить из дошедших до нас памятников; до

на дошли по преимуществу рукописи роскошные, которые особенно тщательно хранились, а таковые по большей части, конечно, писались in folio или, по крайней мере, в четвертку.

Характер пера, которым писали, был не однороден. Обычно перо чинилось так, что им возможно было писать и весьма толстые линии и тонкие штрихи. Особенно резкая разница между весьма тонкими и толстыми штрихами видна в основном почерке Пандект Антиоха (Табл. 20, сн. 1 и 3). Однако, мы находим рукописи, в которых разница между тонкими и толстыми штрихами сравнительно ничтожна. Укажу на второй почерк Ев. 1092 г. (Табл. 14, сн. 2 и 3) В третьем почерке Остр. Ев. мы даже встречаемся (см. ниже) с письмом почти без тонких штрихов. Письмо это, золотое с орнаментальными буквами, быть может, писано кистью живописца, а не писарским пером.

Почерки книг XI и XII вв. чрезвычайно разнообразны. В них проявляются и особенности писарских школ и индивидуальные особенности отдельных писцов.

Обычно устав древнейшего времени (XI—XII вв.) отличают от устава более позднего времени (XIII—XIV вв.) широтой букв и меньшей сравнительно их высотой, а также большими расстояниями между отдельными буквами, т. е. не тесным письмом. Академик А. И. Соболевский допускает еще для рукописи XIV в. свободное письмо, широкие и невысокие буквы, но об обратном факте, узком письме в рукописях XI—XII вв. он не говорит [6]). Действительно, как видно из снимков настоящего издания, широкое письмо является характерным признаком для рукописей старшего периода нашей письменности. Лишь один памятник, Туровское Евангелие (Виленская Публ. Библ., Табл. 27) представляет в этом отношении исключение. Принадлежность этого памятника к XI или самое позднее к первой половине XII в. признается всеми. Между тем он является представителем узкого письма. Характер письма памятника по относительной высоте и широте букв и тесному расположению их в строке более напоминает тип устава XIV в., как он описан академиком А. И. Соболевским, чем письмо памятников XI—XII вв.; оно является почти столь же сжатым, как письмо сжатого почерка XIV в., приведенное в качестве образца в Палеографии академика А. И. Соболевского [7]). Необходимо добавить, что почерк Туровского Евангелия весьма ровный и устойчивый, и характер его сохраняется твердо на всем протяжении рукописи. Туровское Евангелие не стоит особняком: Хиландарские Листки, памятник древне-болгарской письменности XI в., имеют ту же особенность [8]). Таким образом есть основание предполагать, что наряду с обычным широким уставом, в XI—XII вв., существовала манера сжатого письма, может быть, для того времени и весьма редкого.

Древнейший тип самого красивого русского устава иногда не имел шаблонно ровной строчки; писец больше следил за красотой рисунка каждой буквы и не заботился об однообразии в положении букв, одинаковости их величины и пр. От этого художественная сторона письма отличалась своеобразием. Так написано Остромирово Ев., Сборник 1073 г. и др. В некоторых рукописях, однако, мы имеем более ровную строчку. Так больше шаблонности в письме мы наблюдаем во втором почерке Архангельского Ев. (см. л. 70, Табл. 11, сн. 2).

Доселе не были отмечены беглые почерки XI—XII вв., а также не были отмечены и почерки нетвердые, не вполне установившиеся. Получалось впечатление, что в древнейшую эпоху писали лишь каллиграфически и при том медленно, рисуя каждую букву. До нас дошли памятники, вообще говоря, наиболее роскошные, по которым невозможно судить о всей письменности древнейшего периода. К счастью, в кодексах наших местами сохранились приписки близкие по времени к написанию самых памятников, если не современные им, по которым можно судить о письме более будничном. Прежде всего я должен указать на л. 309 об. и л. 310 Пандектов Антиоха (Табл. 20, сн. 2). Почерк этих листов, несомненно древний, отличается беглостью, как бы говорит о прототипе полуустава. На л. 1 того же памятника (Табл. 18, сн. 1) мы имеем дело с беглым почерком другого типа. Писец здесь совершенно не заботится о красоте письма: столбцы вышли у него неровные, почерк на странице из более мелкого переходит в более крупный. Начертания букв делаются не вполне устойчивыми. Этот старший устав мог бы стать впоследствии прототипом скорописи. В древних (XI в.) дополнениях к Саввиной Книге (Табл. 27, сн. 2) мы имеем дело с неустановившимся почерком. Одна и та же буква пишется здесь на разный манер, приближаясь к разным типам начертаний, известным нам из других древнейших русских рукописей. Так з пишется на два манера, из которых один напоминает з в первом почерке Остр. Ев. У ѣ подвесок иногда пишется почти на верхней стркое, а основной стержень чуть-чуть поднимается выше строчки, иногда же подвесок написан значительно ниже строки, и стержень достигает лишь верхнего уровня строки. У буквы в обычно оба кузова сходятся несколько выше середины стержня, иногда же между кузовами значительный промежуток. Буква у обычно пишется с правильной неглубокой чашечкой, но иногда чашечка написана глубокая и соответственно укорачивается ножка буквы (похоже на начертание Саввиной Книги), иногда же чашечка у у мелкая, с загнутыми внутрь краями (сходно с у второго почерка Сборника 1073 г.). Нередко наблюдаются в этой рукописи и промежуточные между указанными начертания. Неустойчивость начертаний в той или другой степени встречается и в других рукописях этой эпохи, но в дополнениях Саввиной Книги она особенно ярка. Укажу между прочим на весьма неустойчивый почерк Пандект Антиоха (Табл. 19, сн. 1, л. 8 об. и сн. 2 л. 30 об.).

Но и в работе более опытных писцов мы видим разнообразные колебания в начертаниях букв. В Ефремовской Кормчей, писанной твердою рукою, крупным и довольно красивым уставом, замечается изменение почерка в процессе писания, хотя все письмо принадлежит, повидимому, одному писцу. Любопытно здесь прежде всего колебание степени сжатости письма. Писец то пишет на строчке двадцать семь букв, то доводит число букв на строке до сорока. Здесь мы наблюдаем чрезвы-

чайной важности факт: начиная с 83 листа наряду с буквой ѵ, имеющей круглую чашечку, появляется ѵ с чашечкой угловатой, причем с 89 л. писец совершенно переходит на последнее начертание. Таким образом в одной рукописи соединяются (иногда на одной странице) два древних начертания указанной буквы. В той же Ефремовской Кормчей ѵ иногда пишется с довольно длинным штрихом, спускающимся вниз, иногда с очень коротким хвостиком, а иногда и совсем без него, напоминая в этом последнем случае ѵ вычурного почерка Остромирова Ев Большое разнообразие в характере почерка допускает писец поучений Кирилла Перусалимского XI в., так что можно различать в этой рукописи при первом взгляде два почерка (см. Табл. 16 и 17).

Не подлежит сомнению, что писцы не учились писать буквы на разные манеры. В лучших рукописях мы обычно имеем дело с установившимися типами начертаний каждой буквы (см. почерки Остр. Ев., Сборн. 1073 г., Новгор. Листков, Путятиной Минеи и др.). Тем более любопытны у недостаточно опытных писцов начертания букв, промежуточные между типичными начертаниями, известными нам из других рукописей. Очевидно, здесь мы имеем дело с влиянием оригиналов на неустановившийся почерк. Многие писцы, повидимому, вырабатывали почерк при самом списывании текстов, подражая во многих случаях оригиналу, с которого списывали. На неустановившемся почерке отражались нередко разные типы письма. Наиболее часто встречавшиеся переписчику типы начертаний отдельных букв делались обычным для его руки и глаза, но каждый новый красиво написанный оригинал оказывал влияние при переписке, и писец иногда таким образом вводил в свое письмо до того времени непривычные ему начертания.

Однако, и в красивых, вполне установившихся, почерках нужно предполагать нередко влияние оригинала. Напр., вышеуказанное ѵ с угловатой чашечкой, равно как и начертание у без хвостика писец Ефремовской Кормчей, вероятно, заимствовал из своего оригинала. Иначе трудно объяснить колебание в начертании этих букв в определенных местах рукописи. В самых роскошных рукописях XI в., напр., в Сборнике 1073 г., как мы увидим ниже, не мало таких заимствований. Укажу здесь на любопытное заимствование лучшими писцами XI в. не только в заглавиях, но изредка и в тексте, букв так называемого круглого унциала. Отметим букву є в Остр Ев. (л 23, Табл. 3, сн 2, стрк. 5-ая; л. 9, Табл 3, сн. 4, стрк. 3-я); круглое (широкое) ѡ (на л. 109 об., 185 об., 186 об.) в Сборнике 1073 г. (Табл. 7, сн. 2). Не столь широкое как в Остр. Ев. круглое є наблюдаем в дополнениях XI в. к Саввиной Книге. Несколько похожее на такое є—в тексте 2-го писца Архангельск. Ев. (Табл. 11, сн. 2 и 3). В заглавиях такие буквы попадаются гораздо чаще, см. в вычурном почерке Остр. Ев є, ⸗ (Таб 5, сн. 1 и 3), в первом почерке Арханг. Ев. с (л. 123, Табл. 11, сн. 1), в Евг. и Чудовской Псалтырях с орнаментальное (Таб 21 и 25) и др.

Отмечу еще чрезвычайно важное заимствование двумя русскими писцами из древне-болгарских оригиналов. В упомянутом выше неустановившемся почерке Пандект Антиоха на нескольких листах последовательно ѣ пишется без горизонтальной черточки, соединяющей обычно і и ѣ: благодѣтнѣ л. 6, стлб. 2, стрк. 9; достиженнѣ л. 7, стлб. 1, стр. 15; прѣвъзнесѣшааго л. 7, об., столб. 1, стрк. 6 снизу тѣлесѣ л. 8, стлб. 1, стрк. 7 снизу В первом почерке Евангелия Собр. Погодина № 11, писанного несомненно русским с средне-болгарского оригинала (здесь рефлексы мены юсов при ярких русских особенностях), мы находим иногда начертание ю без горизонтальной черточки, соединяющей і и о, и последовательно аналогичное написание ıа: прıатъ 1 об.; ıма 1 об., ходıма, ıаво 5 гѣюда 2 и др.

Я полагаю, что такое начертание, пока неизвестное нам из памятников болгарских и сохранившееся в двух русских копиях, является первоначальным начертанием йотованных гласных. Приставление і в Саввиной Книге к верхней части коронки ѣ (см. напр., в снимке при издании Щепкина л. 127 об.) является подтверждением этого предположения.

Но вообще говоря, чем тверже и красивее рука, тем менее колебания в начертаниях букв. Возможны при этом сознательные заимствования определенных букв из оригинала, определенных вариантов начертаний (напр., ы с ь перед і, круглое є), но не изменения начертаний самой буквы, не постоянные колебания в целом ряде букв.

Древне-русская письменность имела значительное число вариантов начертаний отдельных букв. Писец, обладавший установившимся почерком, каждую букву обычно писал на один манер. Но каждый почерк (или каждая школа письма?) состоял из своеобразных комбинаций в начертаниях разных букв.

Рассмотрим несколько отдельных букв, имеющих различные типы начертаний в памятниках XI века.

Буква ѵ имела четыре типа начертаний в рукописях XI—XII вв.: 1) ѵ с угловатой чашечкой (в Ефр. Кормчей л. 171 об., Табл. 26, Погод. Ев. № 11); 2) ѵ с глубокой круглой чашечкой (Архангельск. Ев., Табл. 11, сн. 2 и 3; Пандекты Антиоха л. 310, Табл. 20, сн. 2; Сборник 1076 г., Табл. 9, сн. 1 стрк. 3; дополнения к Савв. Книге л. 162 об.); 3) ѵ с неглубокой чашечкой и длинной ножкой (Остр. Ев. л. 2, Табл. 1; Минея Тип. № 89, Табл. 13, сн. 2; Слова Григ. Богосл. XI в., Табл. 23; Новгор. Листки, Табл. 15; Отрывок Жития Кондрата, Табл. 21 и др.); и 1) ѵ с мелкой чашечкой, у которой внутрь загнуты края (чашечка похожа на С лежащее на спинке). Это начертание—более редкое (в одном из почерков Сборника 1073 г. л. 263 об., Табл. 6; в дополнениях XI в. к Саввиной книге л. 157 об., в Поучении Кир. Перус XI в., Табл. 17, сн. 1, 2 и 3—среднее между 3-м и 1-м начертаниями). Едва ли не древнейшим типом ѵ было именно ѵ с угловатой чашечкой. Ср с одной стороны глаголическое ⰻ, а с другой ц, писанное все в строке, которое от ѵ с угловатой чашечкой отличается лишь местом нижнего штриха.

Ряд начертаний имело также ꙁ: 1) в 1-м почерке Остр. Ев оно спускает нижний штрих овальной линией, постепенно утончающейся книзу (Табл. 1 и 3), то же во 2-м почерке Сборника 1073 г. Табл 8), в Чудовск. Пс. XI в. Табл 21), в одном почерке Патерика XI в

Табл. 22), в Отрывке Жит. Феклы XI в. Росс. Публ. Библ. Погод. № 63. Табл. 26) сходно в Путятиной Минее XI в. (Табл. 28) 2) Нижний штрих сначала идет вправо по строчке толстой чертой, а затем поворачивает вниз (иногда весьма круто), утончаясь вслед за поворотом. Остр. Ев. 2-й почерк (Табл. 4), Новг. Л. (Табл. 15), 1-й почерк Сборника 1073 г. (Табл. 7, сн. 2), один из почерков Пандект Антиоха (Табл. 20, сн. 3), Евг. Псалт. (Табл. 25), Поуч. Кир. Иерус. (Табл. 16). 3) Средний стержень спускается немного под строку и затем под прямым почти углом поворачивает вправо, образуя нижний штрих, имеющий на конце еще маленький крючок: Отрывок Жития Кондрата XI в. (Табл. 21). 4) Нижний штрих идет сначала чуть-чуть вправо по нижней строке, а затем с утолщением вначале и с постепенным утончением далее круто поворачивает вниз: третий, вычурный почерк Остр. Ев. (Табл. 5, сн. 1); один из почерков Панд. Ант. XI в., л. 73 об., буква из орнамента (Табл. 20, сн. 1). 5) Хвостик сначала идет по строчке направо, затем круто завертывает под букву, образуя узкую петлю: Тип. Минея № 84 (Табл. 12), Тип. Мин. № 89 (Табл. 13).

В букве к то приближается правая часть к стержню, напр., в Отр. Жит. Кондр. XI в. (Табл. 21) или в Остр. Ев., то несколько отставляется от стержня: Сб. 1076 г. (Табл. 9, сн. 1, стрк. 9), Слова Григ. Богосл. XI в. (Табл. 23). В Отр. Жития Кондрата нижняя часть правой стороны имеет характерный излом (Табл. 21). Такой излом дает возможность сближать кирилловское к с глаголическим.

Буква ⰲ то имеет маленькую головку и часть штриха помещается в строке (первый почерк Остр. Ев.), то головка по величине и форме соответствует букве ⰱ (Новгор. Отр.), то ⰲ пишется сходно с нашим печатным р (Житие Кондрата, орнамент Арх. Ев., Остр. Ев., и др.), то внизу головка (по строке) имеет угловатую форму (один из почерков Панд. Антиох. XI в. л. 212 Табл. 20, сн. 3, в Путятиной Минее XI в., Табл. 28).

Эти варианты начертаний, как мы уже упоминали, в разных комбинациях встречаются в древне-русских памятниках, и мы не имеем возможности, по крайней мере на основании дошедшего до нас материала, распределить известные нам рукописи по определенным школам, руководствуясь начертаниями букв, как основными признаками этих школ. Отсюда не невозможно сделать вывод о сильном влиянии одних типов письма на другие в древнейший период русской письменности.

Однако, несмотря на это постоянное влияние одних видов письма на другие, мы все же можем уследить несколько обособленные один от другого два типа письма в древнейшую эпоху нашей письменности, причем характерные черты каждого из этих типов восходит к соответствующим болгарским, а отчасти даже и к греческим прототипам. На русской почве различие начинает впрочем быстро сглаживаться и один из типов вскоре почти исчезает. Под этими двумя типами я разумею прямое и косое письмо.

Большая часть дошедших до нашего времени русских памятников древнейшего периода написана прямым письмом, отчего исследователи не говорили о скошенном русском уставе, упоминая в то же время о таком уставе в юго-слав рукописях[9]). Со скошенным уставом иногда могли соединяться некоторые особенные начертания букв: ѵ с очень глубокой чашечкой, ⱝ спускающее под строку лишь один левый штрих, необычные вообще в русской письменности. Несколько скошенное письмо мы находим во втором почерке Арханг. Еванг. (Табл. 11, сн. 2 и 3), в котором мы отметили очень глубокую чашечку у ѵ. Несколько скошенным письмом написан также текст л. 310 Пандект Антиоха (Табл. 20, сн. 2), в котором также глубокая чашечка у ѵ. Скошенное же письмо находим и в Патерике XI в. (Табл. 22, сн. 1 и 3). Греческие памятники дают, как известно, оба типа письма—и прямой и скошенный. Из древне-болгарских памятников дошли до нашего времени, по большей части те, которые имеют скошенное письмо. Однако, мы находим прямое письмо в Супрасльской рукописи и особенно типичное для русских памятников прямое письмо в средне-болгарской Погодинской Псалтыри XII в. (Погод. № 8).

На русской почве впрочем сохранялись и развивались некоторые особые типы письма. Для нас совершенно ясно, что, напр., орнаментаторы-писцы обладали особым характером письма, иногда довольно вычурным[10]). Отметим 3-й почерк Остр. Ев., которым написан ряд заглавий (почерк золотой): на л. 127 (Табл. 4, сн. 1), на л. 153 об. (Табл. 4, сн. 3) на л. 140 (Табл. 5, сн. 1), на л. 141 об. (Табл. 5, сн. 3). Искусственный тип письма, который отличался целым рядом ярких орнаментальных особенностей, встречается в древнейших фресковых надписях, надписях вышитых на тканях, вырезанных на камне и пр. Именно с этим типом письма рукописей, который и позднее наблюдается в заглавиях, возможно сопоставлять многочисленные почерки надписей, которые для своей датировки чрезвычайно нуждаются в сопоставлении с рукописным материалом. Я укажу здесь на замечательные по изяществу надписи XII в., вытканные на плащанице Р. И. М. в Москве, на многие каменные образки древнейшего периода (XII—XIII в.) и пр. Особый тип письма (с короткими штрихами ниже строки) был у писавших нотные книги, списки которых дошли до нас лишь от времени не ранее XII в. (см., напр., Нотный Кондакарь Росс. Публ. Библ., Q. п. 1 № 32).

Число сохранившихся до нашего времени почерков XI в., приблизительно равно 30. Точно установить это число трудно, так как большая часть памятников не датирована, а определить, относится ли данный памятник к концу XI или к первой половине XII в., нередко невозможно. Любопытно, что мы не имеем ни одного почерка XI в., который повторялся бы в какой-нибудь рукописи; другими словами, ни от одного писца XI в. не сохранилось более одной его работы. Рукописи писаны или одним почерком (Сборник 1076 г., Слова Кир. Иерусал., Ефрем. Кормчая), или несколькими (Остр. Ев., Сборник 1073 г., Пандекты Антиоха). Определить с одним ли писцом мы имеем дело или с несколькими бывает нелегко. Дело в том, что работая над переписью какой-либо роскошной рукописи, иногда все работавшие над нею писали в однообразном стиле. Эта стилизация

письма дает иллюзию одного почерка, так что даже весьма опытные исследователи могут увидеть одного писца там, где работала группа писцов[11]). Только тщательный палеографический анализ обнаруживает иногда особые начертания отдельных букв в определенных частях текста в связи с особыми индивидуальными приемами письма. Вместе с тем у отдельных писцов мы находим и особенности орфографии (графики), дающие нам право заключать о языковых особенностях памятника. В наших общих курсах по истории языка, а также и в специальных монографиях далеко не всегда принимают во внимание почерки и цитируют обычно данную рукопись в целом. Однако, между языком писцов, работавших над одной рукописью, может быть менее общего, чем между языком одного из писцов этой рукописи и писцом какой-либо иной рукописи. Писцы, далее, обычно не одинаково относятся к своему оригиналу, и сопоставление их письма дает иногда возможность выделять внесенные каждым писцом своеобразные особенности и особенности, взятые ими из их общего оригинала.

3. Обратимся к особенностям отдельных памятников.

Остромирово Ев. написано тремя почерками, из которых первый обнимает первые 23 листа евангельских чтений (до 25-го листа памятника) и золотые заглавия на этих листах и на всех последующих листах до конца рукописи, исключая золотые заглавия на листах с 21 по 40 об. и с 131 по 154 об.; вторым почерком исполнен текст евангельских чтений, начиная с 25 л. до конца рукописи, заглавия и синаксарь на тех же листах, писанные чернилами, и запись, третьим — золотые заглавия на листах с 21 по 40 об. и с 131 по 154 об.

Первый и второй типы письма выдержаны в одном стиле. Буквы приблизительно одной величины. Ширина букв в отношении их высоты, а равно расстояние между буквами — одинаковы: Толщина жирных штрихов и отношение их по толщине к тонким штрихам также однородны в разных частях памятника. В рисунке букв нет бросающихся в глаза линий, которые выделяли бы текст с одним почерком от текста с другим, например, одни и те же буквы спускают глубоко штрихи вниз, контур многих букв в общем чрезвычайно близок в той и другой части текста. Наконец, писаны обе части в 2 столбца, с одинаковой разлиновкой на 18 строк в столбце, с одинаковыми расстояниями между строками и с одинаковыми полями. Все это и дает иллюзию однообразного почерка. Стоит сличить таблицы, воспроизводящие текст, писанный первым почерком (Табл. 1; Табл. 3, сн. 1—4; Табл. 5, сн. 2—4) с таблицами, на которых снят текст второго почерка (Табл. 2—3, и Табл. 4, сн. 1—3), чтобы убедиться в этом. Однако, палеографический анализ памятника убеждает нас, что при наличности однообразного стиля письма во всем тексте Евангелия, характерные отличительные особенности в указанных выше двух частях его заставляют здесь признать наличность двух писцов, из которых каждый пользовался особыми начертаниями некоторых букв и особой индивидуальной манерой письма. Я позволю себе указать на особое у каждого писца написание ѕ (о чем я уже говорил выше), на наличность в первом почерке круглого с, которого нет во втором, на начертание ѡ в первом почерке с загнутыми краями и на ѡ с прямыми краями во втором; укажу на особую манеру писать ъ, ь, ѣ в первом почерке, благодаря которой кузов, образуемый нижней частью стержня и овальной линией, напоминает как бы четверть окружности, ограниченной двумя радиусами слева и снизу, и на своеобразную манеру письма этих букв во втором почерке, благодаря которой сейчас указанная овальная линия идет несколько слева направо, почему кузов напоминает треугольник; наконец, укажу на начертания букв є и с: в первой части эти буквы в сравнении с их высотой несколько шире, во второй — уже и острее вверху и внизу (здесь опять индивидуальная манера письма, а не сознательное стремление к особому контуру буквы)[12]). Рассматривая язык Остр. Евг., мы видим, что он не одинаков в тексте, писанном первым писцом, и в тексте второго писца. Первый писец значительно изменял при переписке текст оригинала, руководствуясь русским произношением, второй же придерживался более церковно-славянских сочетаний. Так, напр., в первой части в имперфекте последовательно пишется ꙗа (бѣашє) и нет ни разу церк.-слав. ѣа (бѣашє), во второй части обычно находим церк.-слав. ѣа и только восемь раз русское ꙗа; в первой части ъ и ь стоят перед плавными (сьрдыце, испълнь), во второй обычны церковно-слав. сочетания ръ, рь, вм. ьр, зр, и др.[13]). Такое различное отношение к оригиналу у наших писцов вполне понятно. Второй писец, как видно из записи, писанной этим почерком, был церковник-дьякон, к которому обращались высшие сановники, след., в своем церковном деле, нужно думать, специалист. Первый писец, писавший между прочим золотые заглавия, не только на листах своего текста, но и на листах дьякона Григория, написавший чернилами сравнительно небольшую часть собственно евангельских чтений, возможно писавший и часть орнамента (его почерком написан весьма крупными буквами золотом текст внутри заставки на л. 2, Табл. 1), мог быть, конечно, более специалистом художником, чем начетчиком в области церковной графики и знатоком церковного произношения.

Третьим почерком, как указано выше, написаны лишь немногие заглавия, помещенные на пяти полных тетрадях рукописи. Нужно думать поэтому, что писец их брал с собой для исполнения орнаментального письма уже после написания текста: иногда ему не хватало места для заглавия, и он был принужден сжимать текст (см. Табл. 4, сн. 3). Так как мало вероятности, чтобы третьему писцу поручено было написать лишь несколько заглавий, особенно, если примем в соображение, что почерк этого лица по стилю явно отличался от почерка двух остальных, то естественно возникает предположение, не был ли третий писец специалистом-орнаментатором. Это предположение подтверждается, как мы уже упоминали, вычурным характером почерка этого лица, рядом начертаний букв почерка, известных нам преимущественно по надписям на камнях, дереве и пр., а равно встречающихся в орнаментике рукописей. К таким начертаниям принадлежат: є и ѵ из уставного унциала, ѡ с ломаными линиями (известное, впрочем нам по основному почерку у Пандект Антиоха XI в.) особый тип ѕ, который вы мы сравнив с

та Ьнѣмѕ Пинд кт Антиоха, характерный для древних надписей тип пицы и др. Этот третий писец иногда рабски относился к своему оригиналу, не считая возможным исправлять текст согласно церковному произношению или согласно живому говору того времени. Поэтому в его тексте в целом ряде случаев оставлены написания оригинала с ъ вм. ь, напр., в слове «цвѣтоносъныѧ» (см. Табл. 5, сн. 1).

Надписи на книгах и свитке на лицевых изображениях сделаны, конечно, орнаментатором, быть может третьим писцом. Здесь мы находим уже определенную копировку начертаний подлинника. Письмо под строкой, ѵ стоящее правой ножкой на строке (такое ѵ в Реймском Ев. XII в. и сходно в Путятиной Минее XI в. Табл. 28), ц все в строке, вероятно, списаны с оригинала.

Обратимся к группе писцов, исполнявших другую роскошную рукопись—Сборник 1073 года.

Здесь мы имеем также однообразие стиля двух работников, писавших текст памятника, почему исследователи рукописи не делали замечаний о писцах ее [14]). Впечатление одинакового характера письма получается, как и в предыдущем памятнике, вследствие одинаковости самых общих приемов письма: одинаковой величины букв, толщины штрихов, приблизительно одинакового расстояния между буквами и между строками, однообразной разлиновки и т. п. Общий почерк письма настолько ярко выступает во всех частях рукописи, что даже на л. 86, где новый писец с середины столбца продолжает работу своего предшественника (см. Табл. 7, сн. 1), нам не бросается в глаза различие почерков, и страница эта производит впечатление однообразия в отношении стиля письма.

Первый писец написал текст рукописи с начала ее до половины 15 строчки 1-го столбца 86 л. как чернилами, так и золотом, между прочим и внутри заставок. Далее тот же писец исполнил золотом заглавие внутри заставки на л. 129, написал запись, сделал ряд поправок в тексте 2-го писца и переписал хронографические заметки (с 25-го столб., л. 264—266). Остальные части текста писаны другим лицом. С почерком первого писца можно познакомиться по таблицам: 7-ой, сн. 2; 8-ой, сн. 3; с почерком второго—по таблицам: 6-ой (в которой поправки и запись принадлежат первому писцу) и 8-ой сн. 1, 2 и 4.

Отличия в начертаниях букв у наших писцов многочисленны. Обращаю внимание: 1) на начертание буквы ѳ, о чем мы уже говорили выше, как и на начертания букв ѵ и ѕ, 2) на присутствие значка ˝ для означения ѵ в первом почерке (чего нет во втором), 3) на начертание во втором почерке у, у которого нередко сливаются внизу правый и левый штрихи, чего не наблюдается в первом почерке, 4) на начертание ѱ, имеющее форму креста с опускающимися вниз небольшими вертикальными штрихами на концах горизонтальной перечерки во втором почерке, и на начертание этой буквы в первом, с идущими под углом к основному стержню от строчки кверху (одна несколько направо, другая налево), боковыми сторонами, 5) на начертание ѣ с подвеском (коромыслом) ниже верхнего уровня букв и со стержнем, обычно не возвышающимся над верхним уровнем строки, в первом почерке, и на начертание ѣ во втором, у которого коромысло протягивается на верхнем уровне строки, а основной стержень немного приподнимается над строкой, 6) на значительные отличия в начертании ѕ и др. Добавим, что во втором почерке буквы иногда наклоняются несколько вправо (см. Табл. 8, сн. 1).

Необходимо, впрочем, заметить, что не все начертания выдержаны в почерках писцов с полной строгостью в резкой форме, как не все начертания букв в рукописи каждого писца вполне тождественны. Писарская манера со строго проведенными начертаниями каждой буквы на пространстве всей рукописи в том и другом почерке отсутствуют, при чем более свободным в этом отношении почерком обладал второй писец. Не затрагивая ряда мелких, весьма многочисленных уклонений в начертаниях букв, приведу чередования совершенно различных начертаний в почерке второго писца: 1) ы, состоящее из ь и і, чередуется с ы, состоящим из ъ и і, 2) чередуются два различные написания ѯ (одно имеет больше на одно колено, чем другое), 3) наряду с обычной часто употребляемой ѳ встречается изредка ѳ из круглого устава (Табл. 8, сн. 2). Не подлежит сомнению, что на почерк второго писца оказывал влияние оригинал, с которого он списывал. Можно, впрочем, предполагать, что и первый переписчик внес в свой текст некоторые особенности своего оригинала. Так, напр., йотированное ѫ, встречающееся в рукописи обоих писцов и неизвестное из других древнерусских памятников, конечно, попало в нашу рукопись из болгарского оригинала, тем более, что писцы употребляют в аналогичных случаях и не йотированное ѣ (ѣсть л. 51 об. и др.).

Из двух писцов Сборника 1073 г. первый играл, повидимому, большую роль—был старшим. Несмотря на то, что он изготовил меньшую часть текста (до 86 л.), он пишет запись, заявляя в ней, что работа по переписке Сборника принадлежит ему. Эту запись ему предоставил написать второй писец посреди своего текста. Первый же писец написал золотом заглавие к тексту второго писца и сделал несколько поправок в тексте своего товарища по работе на л. 263 об. (В правленом тексте мы видим, характерные для почерка первого писца, начертания букв ѕ, у и ы, состоящее из ь и і). Из записи мы узнаем, что он был дьяком, писавшим для князя. Как бы ни толковать термин «дьяк» для эпохи XI в., необходимо допустить, что старший писец Сб. 1073 г. был далеко не обычным переписчиком-профессионалом. В самом деле, характер почерков обоих писцов нас убеждает, что они не были шаблонными писцами: те колебания в начертаниях букв, о которых мы упоминали выше, заметная неровность, хотя бы и красивого письма, напоминают более автограф, чем письмо писца-профессионала. Самое содержание Сборника, далеко нешаблонное и трудное местами для понимания вследствие тяжелого болгарского перевода, заставило князя обратиться не к шаблонным писцам, навыкнувшим переписывать богослужебные книги, а к более начитанному переписчику. Этот переписчик, нужно думать, уже от себя подыскал помощника, позаботившись о выдержке определенного стиля письма во всей рукописи.

На основании палеографического анализа записи Сборника 1073 г. мы можем проследить, как было составлено в ней обращение к заказчику-князю. В записи на л. 263 об. слова: їѡаннъ диакъ їзборьникъ сь великоуоумоу кнѧзю сѵ̃славоу и далее в стихотворении слова: «кнѧзьхъ кнѧзь сватославъ» писаны по скобленому. Отсюда, уже со времени Шевырева существует в науке мнение, что первоначально Изборник был написан для великого князя Изяслава, а затем, по водворении на Киевском столе в том же 1073 г. князя Святослава, запись была переправлена на его имя [15]).

Однако, такое предположение встречает возражение палеографического характера. Дело в том, что письмо по подскобленному принадлежало первому писцу рукописи, которому принадлежала и запись. На это указывают характерные для почерка этого писца начертания букв ѕ и у и общий пошиб письма. Конечно, мало вероятно, чтобы производил при Святославе поправки тот самый дьяк Изяслава, который был старшим писцом Сборника. Но представляется уже совершенно непонятным, зачем этот первый писец, поправляя имя князя (положим в угоду новому властелину), скоблил и вновь писал свое имя, а равно выскабливал и вновь писал слова: «великоуоумоу кнѧзю» и в стихотворении: кнѧзьхъ кнѧзь». С палеографическими данными гораздо более согласовано было бы следующее предположение. Первый писец сначала списал небольшую запись Симеоновского Сборника, в которой могло быть указание на писца-болгарина и царя Симеона, а второй писец, переписывая вслед за ним стихотворение, написал похвалу Симеону с болгарского подлинника (великыи в царѣхъ царь Симеонъ), как мы читаем ее в списке 1446 г. Затем решено было, в виду изготовления изображений кн. Святослава и его семейства, вместо „царѣхъ царь Симеонъ“ поставить имя русского князя и вместе имя болгарского переписчика заменить именем русского. Соответствующие поправки и были сделаны главным писцом рукописи 1073 г., писавшим запись и ответственным за всю работу.

Более самостоятельно было выражено отношение к заказчику в записи Остр Ев., писец которого умело воспользовался записью оригинала, подвергнув ее оригинальной переделке.

Об. ти па записей, находящиеся в двух наиболее роскошных русских кодексах XI в., являются весьма характерными для рассматриваемой и последующих эпох русской письменности.

Не менее древним, роскошным и не менее любопытным в палеографическом отношении, чем рассмотренные два Киевские памятника, является кодекс, дошедший до нас остаток которого в 2 л. носит название Новгородских Листков. Памятник этот писан наиболее крупным почерком, после Остр. Ев. из всех русских памятников XI в. и, за исключением Мирославова Ев., из всех южнославянских дошедших до нашего времени рукописей XI—XII в. По характеру изящного устава Новгородские Листки всего более напоминают, как указали И. И. Срезневский и П. А. Лавров, Остромирово Евангелие. Особенно они напоминают почерк дьякона Григория. Устав Н. Л ровнее, чем устав Остр. Ев. Положение букв на строчке строже выдержано в вертикальном направлении. Высота букв Новгородских Листков равным образом выдержана определеннее (у дьякона Григория в этом отношении колебания доходят до 1 мм.). Одним словом писец Новгородских Листков следил не только за рисунком букв, но в большой мере и за общей ровностью и красотой строки. Чрезвычайно большие поля, выделяющие этот памятник из числа других рукописей древнейшей эпохи, при дороговизне пергамена, указывают на особо роскошный памятник, на который не жалели денег. Начертания букв ж, ѕ, и, χ и ρ, напоминают начертания дьякона Григория. Начертание ѵ — второго писца Сб. 1073 г. Из других древних начертаний отметим очень низкий подвесок у ѣ, а также ѳ, у которого обычно кузова не сходятся в одной точке стержня, и между ними остается на стержне небольшой промежуток.

С несомненностью до сих пор не удалось установить, к болгарской или русской письменности следует отнести этот кодекс, хотя Фортунатов [16]) отметил форму болмаше, как возможно русскую, а за ним и П. А. Лавров [17]) отнес этот памятник к числу русских. Однако старое мнение Срезневского продолжает господствовать, когда П. А. Лавров помещает этот памятник в своем «Альбомѣ снимковъ съ юго-славянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма». Он пишет, что Новгородские Листки, в которых нет примера смешения носовых, и в которых влияние русского языка, по мнению Ф. Ф. Фортунатова... можно было бы предполагать лишь в форме болмаше вм. болѣше выделяются из других русских памятников, что отличающая письмо этого памятника симметричность, пропорциональность и изящество начертаний дают основание видеть в нем образчик таких оригиналов, которые были распространены в восточной Болгарии, что поэтому он считает уместным дать снимок с Новгородских Листков в своем альбоме [18]). С других русских рукописей снимков П. А. Лавров не дает.

Поднимается весьма важный вопрос методологического характера об основаниях характеризовать тою или другою русскою рукописью по преимуществу восточно-болгарскую письменность.

Прежде всего мы должны присоединиться к мнению Лаврова, что эта рукопись русская, о чем мне пришлось высказаться еще в 1904 г. [19]), и вот на каком основании. Роскошный прямой устав памятника типичен для дошедших до нас древнейших русских кодексов и отличается от сохранившихся кодексов древне-болгарских. Правда, самый роскошный русский устав восходит несомненно к болгарским и византийским прототипам, но эти прототипы настолько мало отразились в дошедшей до нашего времени болгарской письменности, что о существовании и характере их заключаем именно на основании особенностей русских памятников и отчасти греческого унциального письма IX—X вв. Вот почему, если бы возможно было доказать, что Новгородские Листки писаны на юге славянства, они были бы удивительным уником в своем роде, в то время как среди русских рукописей XI . они представляют лишь дополнительный и прекрасный образец хорошо известного нам из других памятников типа письма. Это обстоятельство вместе с формой в . ., а за-

ста ляет нас признать вероятным принимаемое П. А. Лавровым мнение о русском писце Новгородских Листков. Но такое мнение, после палеографического анализа памятника, для нас исключает возможность видеть вслед за Лавровым в Киевских Листках источник для палеографической характеристики восточно-болгарской письменности этим памятником по преимуществу перед другими русскими. Отсутствие явных руссизмов в памятнике, точная в орфографическом отношении переписка оригинала ни в коем случае не могут гарантировать точности в палеографическом отношении. Новгородские Листки содержат выдержанный почерк весьма опытного книжника. Если писцы Остр. Ев. и Сб. 1073 г. старавшиеся рисовать буквы в одном стиле, последовательно вносили в текст разного типа начертания букв, к которым привыкли, которые являлись отличительными чертами их почерка, если мы затруднились бы поэтому указать даже неопытного переписчика, который бы слепо копировал начертания букв своего оригинала, то выработанный твердый почерк писца Новгородских Листков говорит не в защиту рабского подражания писцом своему оригиналу. Нам кажется совершенно несомненным, что восстановление восточно-болгарских типов письма должно итти путем сличения всех дошедших до нас древнейших русских памятников между собой, с некоторыми болгарскими (вроде Погод. № 8) и греческими унциальными. Русские рукописи дают в целом типы письма, характерные и для восточной Болгарии. Отдельные же памятники, вроде Новгородских Листков, могут внести лишь частицу материала для сравнительного исследования, весьма сложного.

В противоположность сейчас рассмотренным рукописям Пандекты Антиоха XI в., писанные также группою писцов, не имеют однообразного стиля письма. Уже при беглом обзоре письма памятника, мы замечаем яркие отличительные особенности письма каждого переписчика и легко можем указать конец и начало каждого почерка. Большая часть этой замечательной в палеографическом отношении рукописи писана одним переписчиком (листы 18 об. начиная с 12-ой строки по 29 и листы с 32-го по 309). Это—твердая рука опытного переписчика. Почерк его, то несколько более крупный, то более мелкий в отношении общего стиля и в отношении рисунка отдельных букв, является весьма устойчивым (Табл. 20, сн. 1 и 3). К особенностям почерка отнесем наклон письма к началу строки, чрезвычайно резкое отличие тонких штрихов от толстых, изредка лигатуры букв, орнаментику букв в тексте (см. напр. написание у на последней строке первого снимка вышеуказанной таблицы), начертание отдельных букв далеко не обычное (ѡ с ломаными линиями на вышеуказанной же строчке, т высоко поднимающееся над строкой, например, на предпоследней строке 3 снимка табл. 20 и др.). Остальная часть текста этой рукописи кроме двух приписок на л. 309 об.—310 и 1, о которых мы говорили ранее, писанных беглыми почерками, исполнена вторым писцом (л. 2 по 12-ую строку 18 об. и л. 30 об.—31 об.). Почерк этого писца, в противоположность почерку первого, отличается большой неустойчивостью, колеблющимися начертаниями отдельных букв, стремлением подражать почерку оригинала (Табл. 18, сн. 2; Табл. 19, сн. 1, 2 и 3). Обращаю внимание на границу почерков, столь легко определяемую в такого рода рукописях. В качестве примеров беру один из почерков Пандект Антиоха и один почерк Патерика [20]) (Табл. 19, сн. 3—Пандекты Антиоха и Табл. 2, сн. 1 и 3—Патерик Патриарш. Библиотеки № 551). Основной почерк Пандект Антиоха XI в. в палеографическом отношении представляет исключительный интерес. Здесь в тексте рукописи (не в заглавиях) мы находим ряд орнаментальных начертаний букв и лигатур, которые обычны в надписях. Поэтому по вопросу о взаимоотношении эпиграфических начертаний с рукописными Пандекты Антиоха являются весьма важным источником.

4. Палеографический анализ древне-русских книг XI века приводит нас к следующим соображениям и выводам.

Особенности письма древнейших дошедших до нас русских памятников не только характеризуют в известной степени начальный период истории русской книги, но и дают основание заключать о характере письма древне-болгарских памятников, служивших оригиналами для русских рукописей в эпоху создания и первоначального развития русской письменности. В числе древне-болгарских памятников X века были, несомненно, роскошно орнаментированные и каллиграфически исполненные рукописи вроде Остромирова Ев., Сборника 1073 г., Новгородских Листков и пр. О роскошном орнаменте и о красивых почерках болгарских книг X века мы можем судить более по русским памятникам XI в., чем по дошедшим до нашего времени древне-болгарским памятникам той же и последующих эпох. Болгарские рукописи X в. содержали элементы круглого устава, заимствованные болгарскими писцами из роскошных греческих рукописей IX—X вв.; буквы этого устава реже встречались в тексте памятников и чаще в писанных золотом заглавиях. Болгарские рукописи содержали и прямой и наклонный устав, причем в роскошных книгах, повидимому, чаще, по крайней мере, употреблялся прямой устав. Наклонный устав мы находим, напр., в одном из почерков Архангельского Еванг. (Табл. 11, сн. 2), в одном из почерков Патерика Синайского (Табл. 22, сн. 1), в двух почерках Пандект Антиоха (Табл. 20, сн. 1 и 3 и Табл. 20, сн. 2). В болгарских памятниках, служивших оригиналами для русских, буквы писались или на строке или под строкой, причем последних, вероятно, было значительно меньше, чем первых. Письмо под строкой употреблялось, кажется, иногда и в роскошных памятниках, как это видно по письму на одном из лицевых изображений Остр. Ев. (см. также письмо на нескольких страницах Типографских Миней и письмо 1-го почерка Ев. Погод. Собр. № 11). В болгарских памятниках встречались лигатуры, как это видно по письму Пандект Антиоха XI в. (главный почерк), а также по целому ряду надписей (на фресках Спаса Нередицкого, на пелене, приобретенной в текущем году Российским Историческим Музеем и др.). В болгарских памятниках содержалось значительное число разнообразных начертаний отдельных букв, причем это касается не только букв, заимствованных из византийского

алфавита, но и специальнo славянских букв, что указывает на значительную эволюцию письма в различных писарских школах на болгарской почве до эпохи заимствования письменности русскими. Следует указать на три варианта буквы ѵ (с глубокой овальной чашечкой, с мелкой чашечкой и более длинным стержнем и с угловатой чашечкой); на варианты ж (ж, состоящее из трех пересекающихся прямых, и ж с овальными боками) и др. Мы должны отнести к болгарским оригиналам ряд вариантов отдельных букв, во-первых, потому, что мы находим отчасти такие же варианты и в памятниках древнеболгарской письменности XI в. (см. напр. ѵ с глубокой чашечкой в Саввиной Книге и ѵ с неглубокой чашечкой и более длинным стержнем в Супрасльской рукописи); во-вторых, мы вправе это сделать потому, что некоторые начертания, напр., ѵ с угловатой чашечкой варьируются с более обычным ѵ с определенного листа рукописи (Ефремовская Кормчая) и имеют все признаки первоначального начертания буквы (ѵ с угловатой чашечкой близко по начертанию к ц и, вероятно, одного с ним происхождения; это ѵ не редко и в надписях: см. надпись 1068 г., надпись XI—XII в. на обломке глиняного сосуда, найденном в Печерском Монастыре и хранящемся в Киевском Музее и пр.).

Но для нас является особенно интересным несомненно глубоко древний, как мы видели, вариант йотованных гласных без горизонтальной соединительной черточки, который нам удалось отметить в одном из почерков Пандект Антиоха XI в. и в Погод. Ев. № 11 и которому соответствует особое начертание ѩ в Саввиной Книге. Это явление, тесно сближающее кирилловский алфавит с византийским, должно быть отнесено едва ли не к эпохе создания кирилловского алфавита и к эпохе начального его употребления в письменности (при самом создании славянского алфавита, быть может, і сочеталось лишь с одной буквой о(оу) для изображения йотованного оу или оу после смягченной согласной). Рассматриваемая палеографическая особенность, в связи с некоторыми другими фактами, дает основание предполагать, что славянское письмо изобретено и распространялось иностранцами, не вполне чисто говорившими по-славянски (по-болгарски), но обладавшими лингвистическим чутьем при передаче звуков славянской речи в их произношении. В самом деле, написания ю(у), ꙗ, ѥ и пр. могут читаться как дифтонги, и например, слова моуди пома весьма удобно произнести с і после л. Вполне прав был проф. Томсон, когда писал о произношении изобретателями славянской азбуки начертания ꙑ (которое тоже впоследствии у некоторых, правда, немногочисленных писцов стало писаться с горизонтальной чертой, соединяющей ъ и і), как дифтонга. «Иначе», говорил он, «было бы совершенно непонятно, как могли изобретатели славянской азбуки, выказавшие хорошее понимание звуков языка и дополнявшие недостающие буквы в греческом алфавите знаками другого происхождения,—как могли они относительно звука ы оказаться настолько беспомощными, что не могли найти отдельного знака для него, а должны были прибегнуть к обозначению его двумя буквами, из которых каждая изображает совершенно другой звук». Проф. Томсон лишь неправильно приписал дифтонг ui славянской речи [21]). То, что сказано проф. Томсоном о букве ꙑ, мы можем в настоящее время сказать mutatis mutandis отчасти и о сочетаниях ю, ꙗ, и пр., так как и здесь мягкость согласной означается буквой, имеющей, вообще говоря, иное значение, а сочетания ꙗ, ю(у) должны читаться как два гласных (неслоговое і в соединении с другим гласным). Но в говоре грека звук ы мог слышаться именно вроде дифтонга ui, хотя бы в болгарском языке он и не был дифтонгом; как равно и сочетания ю(у), ꙗ могли произноситься после согласных с і неслоговым, как это имеет место в произношении многих иностранцев, говорящих по-русски, и в настоящее время, если в их родном языке нет звуков ы и вполне мягких согласных. Еще Миклошич в Vergl. Lautlehre 2-е Ausg. на стр. 152-й в 1879 г. писал, что звук ы в латинских источниках раннего времени изредка передавался через oi, ui. Ср. произношение «gribouі» француженки в «Переселенцах» Григоровича (Изд. Маркса, стр. 136). Изображение через ouı, ui славянского ы в памятниках средневековой византийской и латинской письменности указывает на традицию, которая покоится на таком же приблизительном произношении звука ы иностранцами, традицию, которая уже в IX веке могла влиять на изобретателя и первых распространителей кирилловских письмен.

Таким образом палеографические данные ведут нас к объяснению происхождения важной современной черты нашей орфографии, представляющей немало затруднений при первоначальном обучении грамоте.

Типы русского письма создались под непосредственным и ярким влиянием болгарских рукописей [22]). Русские писцы не столько обучались в школах искусству каллиграфии, сколько, повидимому, вырабатывали почерки при самом процессе списывания. Отсюда дошедшие до нас древнейшие почерки содержат разные комбинации известных в эту эпоху типов начертаний отдельных букв. Поэтому, руководствуясь рисунком букв, как критерием, мы не имеем возможности свести группы почерков к определенным школам письма. Каждый почерк с этой точки зрения представляет как бы особый тип письма. Тем не менее письмо рукописей отражает некоторые общие особенности у определенных групп работников каллиграфического искусства. Писцы-орнаментаторы пользовались иногда специальным типом начертаний, вводя в свое письмо особые буквы, например, буквы круглого устава, и придавая письму несколько вычурный характер. Именно таким характером отличается письмо в заглавиях книг и на лицевых изображениях. Такого рода письмо в книгах следует сближать с письмом на иконах, фресках, тканях, камнях и других. Элементы орнаментального письма иногда проникают и в текст книг. Достаточно указать в этом отношении на наклонный почерк Пандект Антиоха XI в., где в тексте орнаментируются буквы, встречается ѡ с ломаными линиями и прочее, или на первый почерк Остр. Ев., где находим элементы круглого устава. В зависимости от требований жизни развивались и другие любопытные ошибки письма. Так, при групповой работе над отдельными рукописями, все писцы, переписывавшие текст, вырабатывали определенный стиль письма. Харак-

тер ст ля в раз ых группах был разли ен: до нас доше і кра ивый стиль писцов-церковников в Остр. Ев. и стиль работн ков Сборника 1073 года, отл чающ йся сво - образным характером. Впоследствии при развитии книжного дела, стали более определенно выделяться разл чные пош бь письма, быть может, даже школы.

Важно отличать группу нотных памятников, в которых не допускались длинные штр ихи под строкой вследствие экономии места для нот, писавшихся между строками.

Мы не имеем пока никаких данных для приурочения большей части дошедших до нас памятников XI в. к той или другой местности древней Руси. Лишь Остр. Ев. и Сборники 1073 и 1076 г. должны быть отнесены к Киеву, а Минеи Типогр. Библ. 1095, 1096 и 1097 г.—к Новгороду. Сопоставление этих рукописей указывает, быть может, поскольку Киев был в отношении техники изготовления рукописей выше Новгорода. Письменные памятники XII в не противоречат этому предположению. Во всяком случае возможность изготовления роскошных памятников, уменье стилизировать письмо при групповых работах над переписной рукописей, исполнение заказов по переписке книг для других городов (напр., для Новгорода) имеют немаловажное значение для характеристики Киевской письменности древнейшего периода.

И. Каринский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Проф. В. Щепкин. Учебник русской палеографии. Москва 1918 г.,стр. 1.

2) «Палеография занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. п.». Очерк славянской Кирилловской палеографии. Варшава, 1915 г., стр. 1.

3) Ibid.

4) Славяно-русская палеография. СПб. 1908 г., стр. 19.

5) Характер кожи особенно рельефно выступает на снимке с Новгородских Листков Российской Публичной Библиотеки (Табл. № 15).

6) См. А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб. 1908, стр. 49. Ср. ак. Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1915 г., стр. 101.

7) См. фотолитографированное издание Виленского Учебного Округа 1868 г. всего текста Туровского Евангелия. Отношение высоты и широты букв (включая в широту и расстояние между буквами) выражается след. приблизительно цифрами в миллиметрах: Остр. Ев. 6 (высота) × 8 (ширина); приводимый А. И. Соболевским широкий почерк 3 × 5; Туровское Ев. 4 × 4; приводимый А. И. Соболевским узкий почерк $5^{1}/_{4} \times 5$.

8) См. фототипические снимки в издании Отделения русского языка и словесности Академии Наук, СПб. 1900 г.

9) Е. Ф. Карский. Очерк, стр. 100

10) Истории букв в орнаменте недостаточно разработана. Между тем этот материал особенно важен для сопоставления его с надписями на различных предметах (иконах, шитье и пр.).

11) См. статью акад. Ф. Ф. Фортунатова «Состав Остромирова Евангелия» (Сборник статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому, ч. II, СПб., 1908, стр. 1450), считавшего письмо О. Е. работою одного писца.

12) Подробно об этом в Сборнике Публ. Библ. т. I. Пгр. 1920. Статья Н. Каринского «Письмо Остромирова Евангелия», стр. 171 и сл.

13) Ib., т. I, стр. 181 и сл.

14) Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885. стр. 113. Акад. А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 128. Горский и Невоструев. «Описание» etc., II, 2, стр. 366.

15) См. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М. 1850, т. 2, стр. 30—32. Горский и Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки, II, 2 стр. 367.

16) Сборник статей, посвященных Ламанскому, ч. II, СПб. 1908, стр. 1478, прим.

17) Энциклоп. слав. филологии 4, I. Петроград, 1915 г.

18) Древние слов. памятники юсового письма. СПб. 1868, стр. 25—26.

19) Хрестоматия по др.-церк. славянскому и русскому яз. ч. I. СПб. 1904, стр. 107.

20) Этим почерком Патерика XI века писаны лишь листы с 5-ой строки снизу л. 21 об. и до 4-ой строки 23 листа.

21) Русский Филологический Вестник. 1905 г., № 2, стр. 246 и след.

22) Вопрос о непосредственном влиянии греческих рукописей, с которыми некоторые русские писцы, конечно, имели немало дела, остается для нас пока весьма неясным.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И НЕТОЧНОСТИ:

Стр.	*Столб.*	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
5	2	20 св.	единственными памятниками	единственными датированными памятниками
6	1	31 »	рукопиесй	рукописей
6	1	34 »	исключение	особенно яркое исключение
6	2	33 »	стркое	строке
7	1	11 »	Ев	Ев.
7	2	11 »	ıако	ıако
7	2	24 сн.	Табл. 26	Табл. 29
8	1	2 св.	сходно	;сходно
8	2	3 сн.	что	что,
10	2	4 св.	҂ и др.	ѯ и др.
12	1	5 »	в Киевских Листках	в Новгородских Листках
12	2	6 »	Табл. 2, сн. 1 и 3	Табл. 22, сн. 1 и 3
13	1	15 сн.	с ı посл л.	с ı после л.

ТАБЛИЦЫ НАХОДИЛИСЬ В ВОДЕ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ 23 СЕНТЯБРЯ 1924 ГОДА.

ОГЛАВЛЕНИЕ

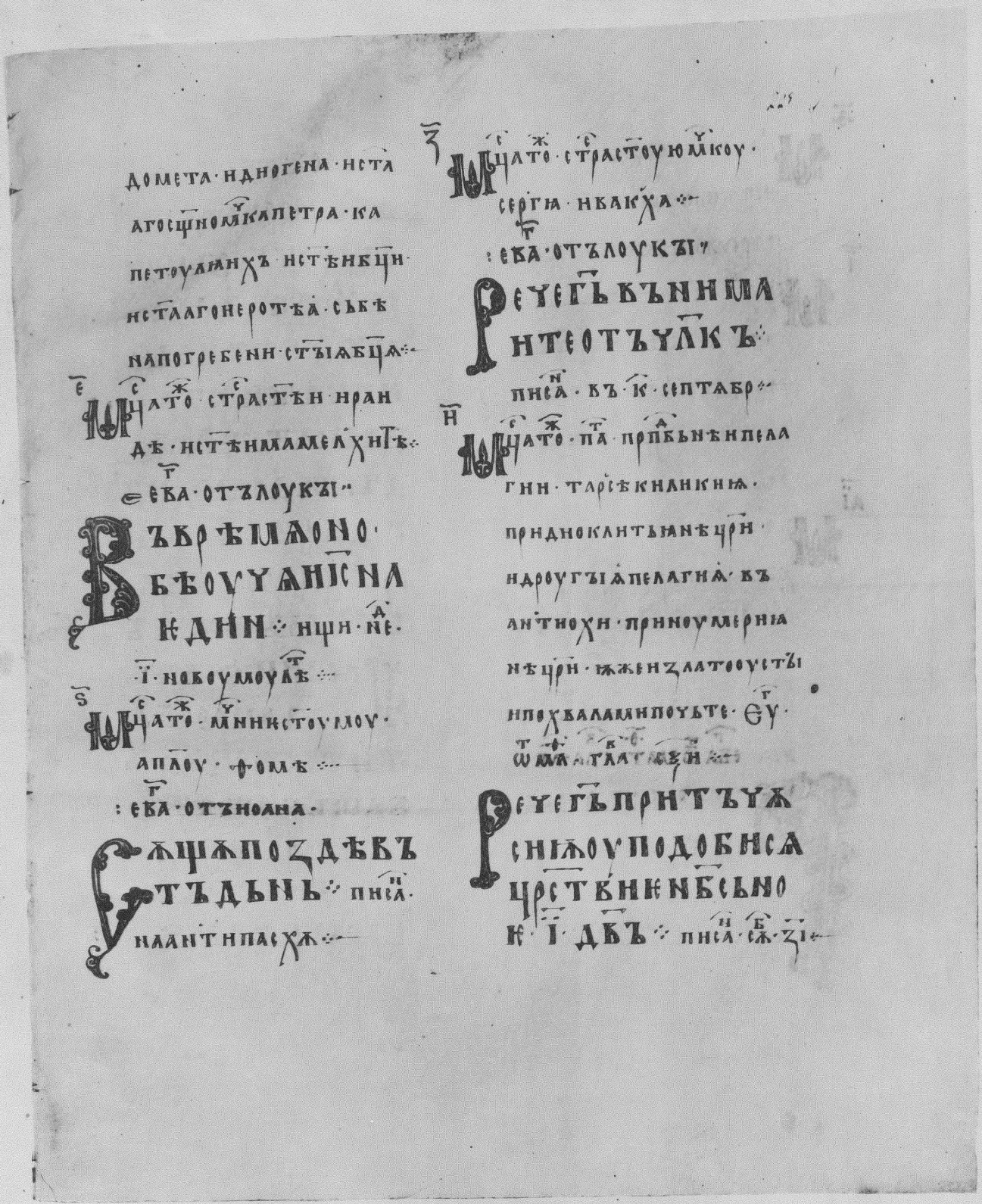
	Стран.
Предисловие	3
Введение	5

Таблицы снимков:	№№ таблиц
Остромирово Евангелие 1056—1057 г. Российская Публичная Библиотека. Л. 2	1
Том же памятник, л. 228	2
Том же памятник. Снимок 1—низ 2-го столб. л. 22 об., сн. 2—низ. 1-го столб. л. 23, сн. 3—низ 2-го столб. л. 19 и сн. 4—низ 2-го столб. л, 9	3
Том же памятник. Сн. 1—верх 1-го столб. л. 127, сн. 2—верх 2-го столб. л. 267 об., сн. 3-й—низ л. 153 об. . .	4
Том же памятник. Сн. 1—низ 2-го столб. л. 140, сн. 2—верх 1-го столб. л. 11, сн. 3—серед. 2-го столб. л. 141 об., сн. 4—верх 2-го столб. л. 11.	5
Святославов Сборник 1073 г. Российский Исторический Музей. Собр. рукоп. Синодальной Библиотеки № 31, л. 263 об.	6
Том же памятник. Сн. 1—столб. 1 л. 86, сн. 2—л. 38 . .	7
Том же памятник. Сн. 1—столб. 1 л. 138 об., сн. 2—верх 1-го столб. л. 109, сн. 3—середина 2-го столб. л. 62 об., сн. 4—верх 2-го столб. л. 119 об., сн. 5—верх 2 столб., л. 122 об.	8
Святославов Сборник 1076 г. Эрмитажное собрание рукописей Российской Публичной Библиотеки № 20. Сн. 1—л. 115 об., сн. 2—л. 185, сн. 3—л. 229, сн. 4—л. 109—об.	9
Том же памятник. Сн. 1—л. 110, сн. 2—л. 113 об., сн. 3—л. 102 об., сн. 4—л. 65, сн. 5—л. 260 об., сн. 6—л 123, сн. 7—л. 30, сн. 8—л. 120 об.	10
Архангельское Евангелие 1092 г. Румянцевский Музей № 1666. Сн. 1—л. 123, сн. 2—верх л. 70, сн. 3—низ л. 24 об. .	11
Минея 1095—96 г. Типографская Библиотека № 84. Сн. 1—л. 172, сн. 2—л. 66.	12
Минея 1096 г. г. Типографская Библиотека № 89. Сн. 1—л. 34, сн. 2—л. 110	13
Минея 1096 г. Типограф. Библ. № 89. Сн. 1—л. 1 об. Минея 1097 г. Типограф. Библ. № 91. Сн. 2—л. 37 об., сн. 3—верх л. 171 об.	14
Новгородские Листки XI в. Российская Публичная Библиотека F. п. I, № 58.	15
Поучения Кирилла Иерусалимского XI в. Российский Исторический Музей. Собрание рукописей Синод. Библиотеки. № 478, л. 1.	16
Том же памятник. Сн. 1—л. 270 об., сн. 2—верх л. 8 об., сн. 3—верх л. 135.	17
Пандекты Антиоха XI в. Российский Исторический Музей. Собран. рукоп. Синод. Библ. № 30. Сн. 1—л. 1 об., сн. 2—л. 2	18
Том же памятник. Сн. 1—столб. 1 л. 8 об., сн. 2—л. 30 об., сн. 3—столб. 2 л. 212 об.	19
Том же памятник. Сн. 1—столб, 1 л. 73 об., сн. 2—л. 310, сн. 3—столб. 2 л. 212 об.	20
Отрывок жития Кондрата XI в. Российская Публ. Библ. Погод. Собран. № 64	21
Синайский Патерик. Российский Историч. Музей. Собран. Синод. Библ. № 551. Сн. 1—л. 22 об., сн. 2—верх л. 90 об., сн. 3—низ л. 21 об.	22
1. Слова Григория Богослова XI в. Российская Публ. Библ. Q. п. I. № 16, л. 304; 2. Псалтырь собр. Бычкова № 2.	23
Псалтырь Чудовского Собр. Российский Историч. Музей. Собрание Синодальной Библиотеки № 7, л. 49 . . .	24
Евгеньевская Псалтырь. Российская Публичная Библиотека. Собр. Погодина № 9, л. 6	25
Отрывок жития Феклы XI в. Российская Публ. Библиотека. Погодин. Собр. № 63.	26
1. Туровское Евангелие XI в. б. Виленская Публичная Библ 2. Русские дополнения к Саввиной книге, лл. 152—163 рукописи Типографской Библиотеки № 14	27
Путятина Минея XI—XII века. Российская Публичная Библиотека. Собрание б. СПБ. Духовной Академии .	28
Ефремовская Кормчая. XII в. Российский Историч. Музей. Собран. Синод. Библиотеки № 375, л. 171 об. . . .	29

1) Если на таблице помещаются несколько снимков, то счет их идет с верхнего левого снимка в направлении чтения книги.

сконнѣ слово
нслобобѣотъ
ба нѣ ъ бѣ
слово ꙗ себѣ
нсконноу
ба нтьмьвавві
шаꙗнѣ безъ негонн
ьтоже нѣбъістъ
ѭжебъістьꙗбъто
мьжнвотъбѣ н

жнвотъ бѣ свѣтъ
уловѣкомъꙗнсвѣ
тъбътьмѣ свьтн
тьса нтьмаюго
необатъꙗбъістъ
уавкъпосъланъ
отъба нмаюмоу
ноанъꙗтъпрнде
въсъвѣдѣтель
стводасъвѣдѣте



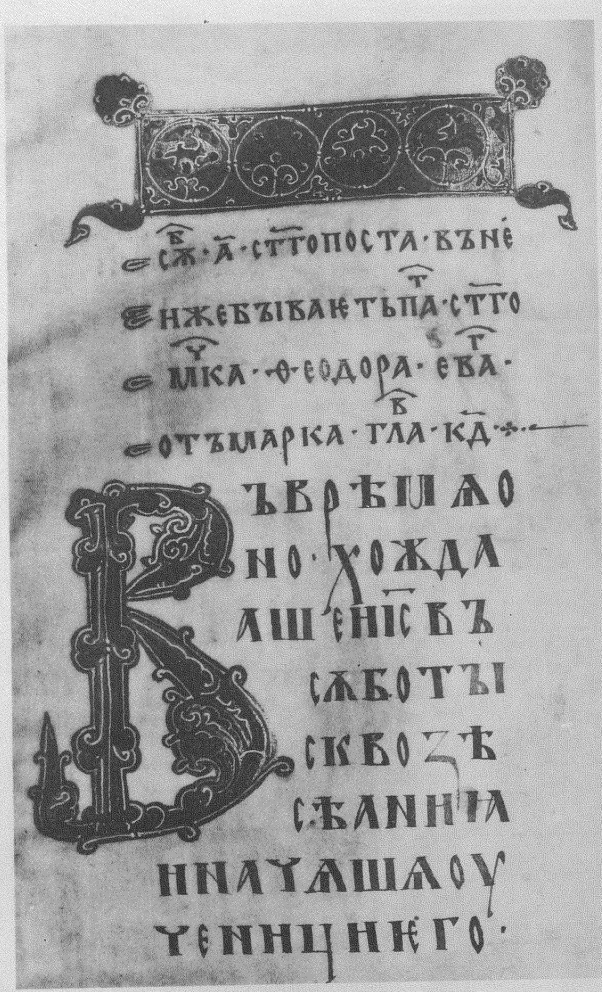
ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ 1056—1057 г.
л. 228.

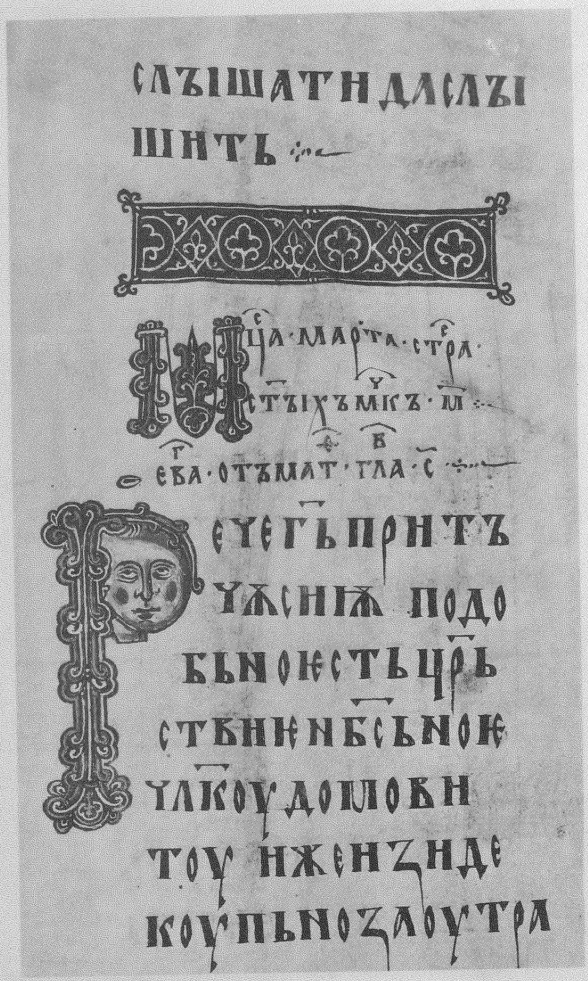
ВЪНЕДѢЛЬНИКЪ ДЕВА
СТЪНОЛЬНИКА ЛИ
ВЪНОКРѢПА
КЪНИДЕНСОУ
СЪКЪНЕРОУСА
ЛИПЪ ЄСТЬ
ЖЕВЪНЕРОУ
САЛИПЄХЪ
НАОКЬЮНКОУПЄ
ЛИ ИАЖЕНАРИЦА
ЄТЪСАЕВРЕНСКЪІ

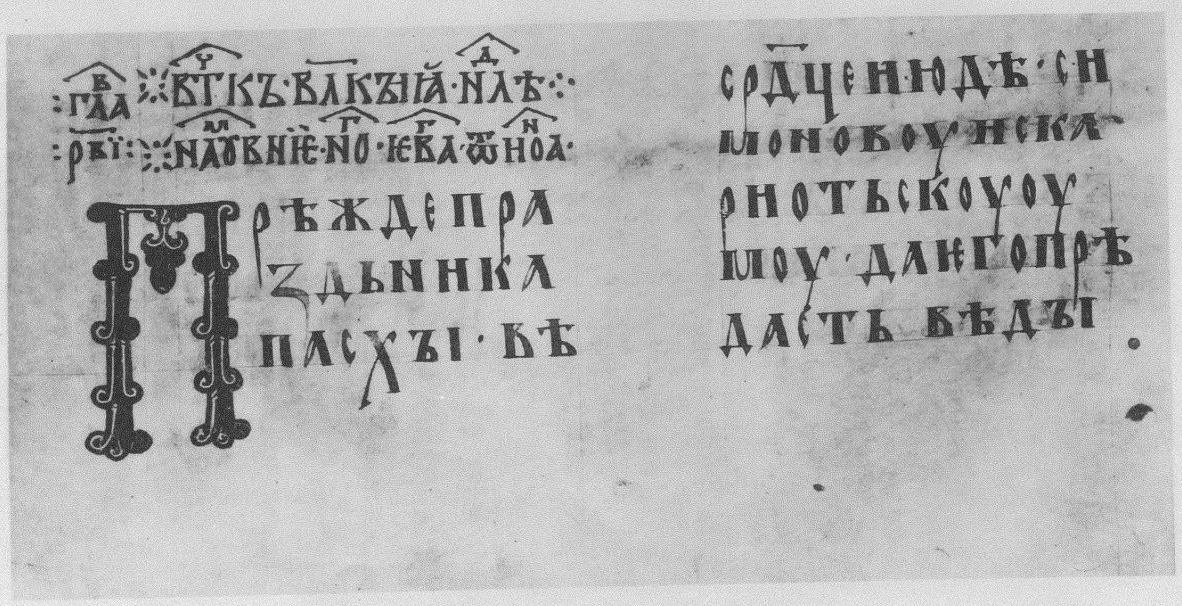
ЛЪБОГОСПОДЪНЬ
НАБЬІМАЄТАІЛЪ
НАШЕСАВЪКЖПЄ
[illegible]ЗЪЛЖЩАА
ШЄВОДЖ НИЖЄ
[illegible]
ШЄПОБЪЗЖЩЄ
НИНЄВОДЪІ·СЪДРА
ЬЪБЪІВААШЕ· НА
ЦЄМЬЖЄНЕДЖГЪ

ЛИННЪАМИНЪ
ГЛАГОЛЮБАШЪ
НЕМОУСНДАСТЬ
БАШЪХЛЄБЪСЪНЕ
БЕСЕНЪОТЬЦЬМО
НДАЮТЬБАШЪХЛЄ
БЪНСТИНЬНЪІН
СЪНЕБЕСЕ ХЛЄБЪБ
БОЖИИЮСТЬСЪХО
ДАНСЪНБСЕ·НДАА
НЖ.НБОТЪБСЕМОУ
МИРОУ·
ВЪСРЄДЖ·Г НЕДЄЛЄ·

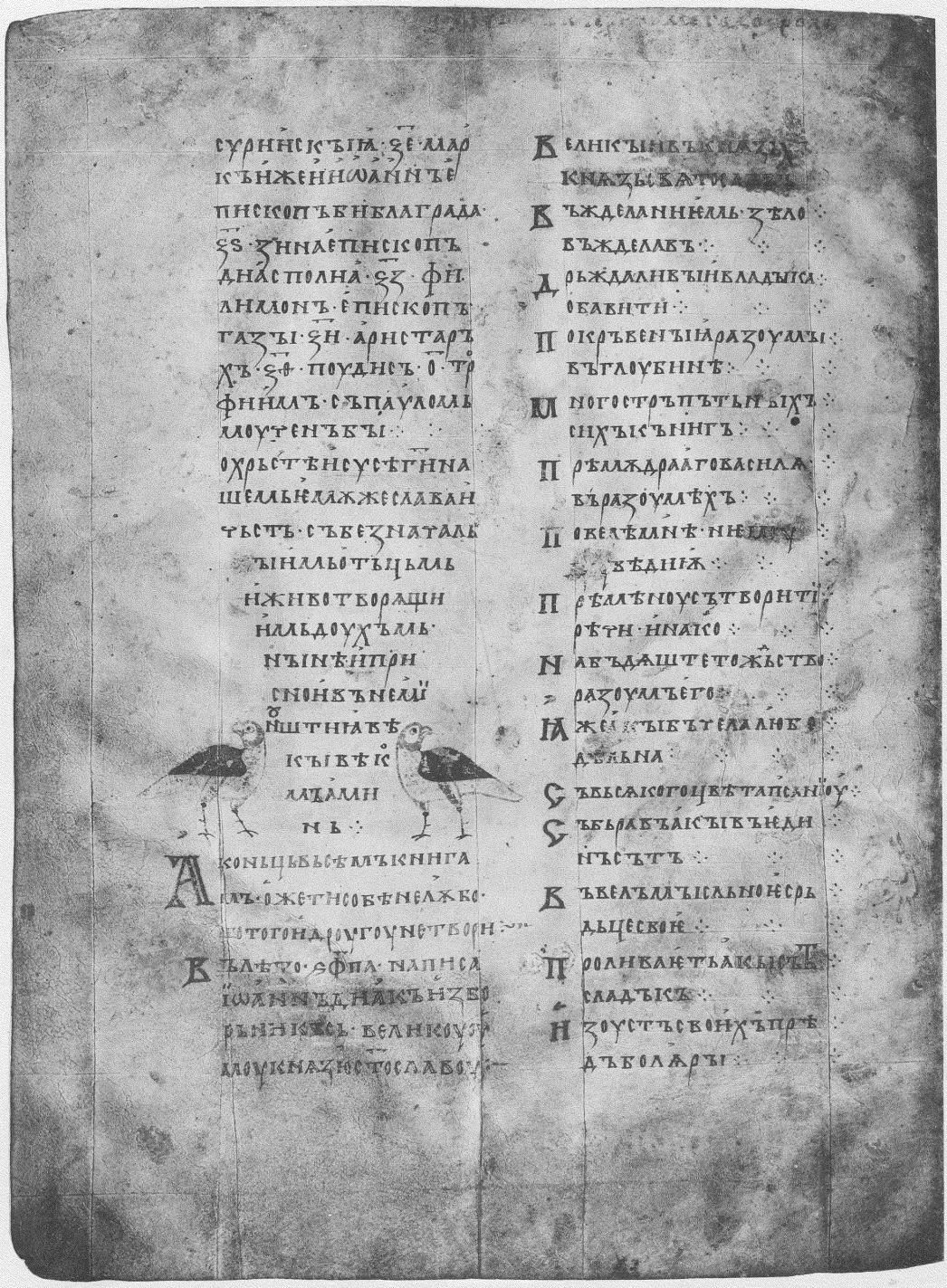
ГНЖЖ+ [illegible]
[illegible]ЕТЫРЬ
ЛИНДЕСАТЫІ·НШЄ
СТНЖЛЄТЬСЪЗЪ
ДАНАБЪІСТЬЦЬР
К[illegible]ЗАТ[illegible]
ТРЬЛИНДЬНЬЛИ
БЪЗДВНГНЕШНЖ+
ОНЪЪ ГЛАШЕЗО
ЦЬРІГЪБНЗТЄЛА



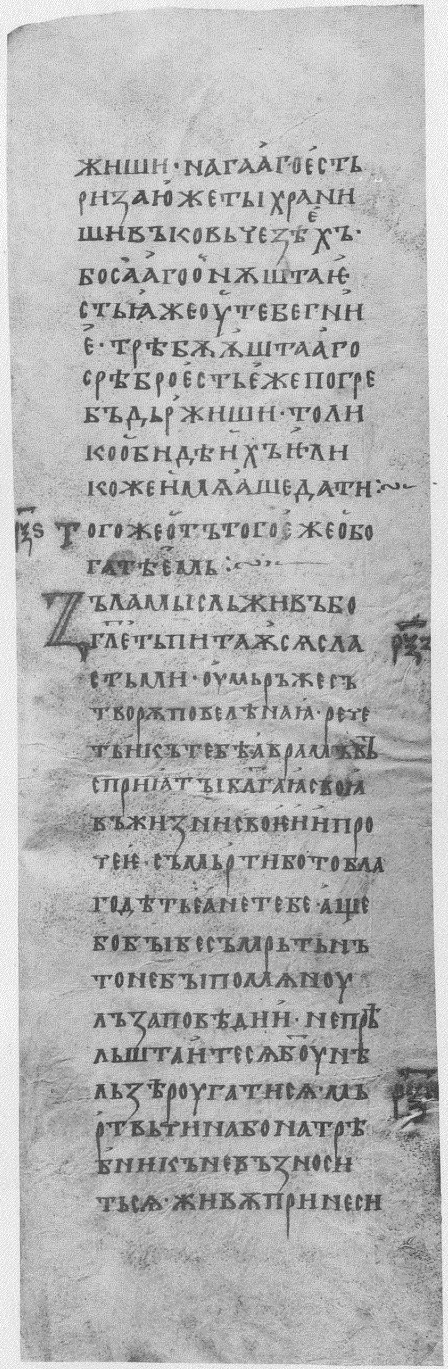


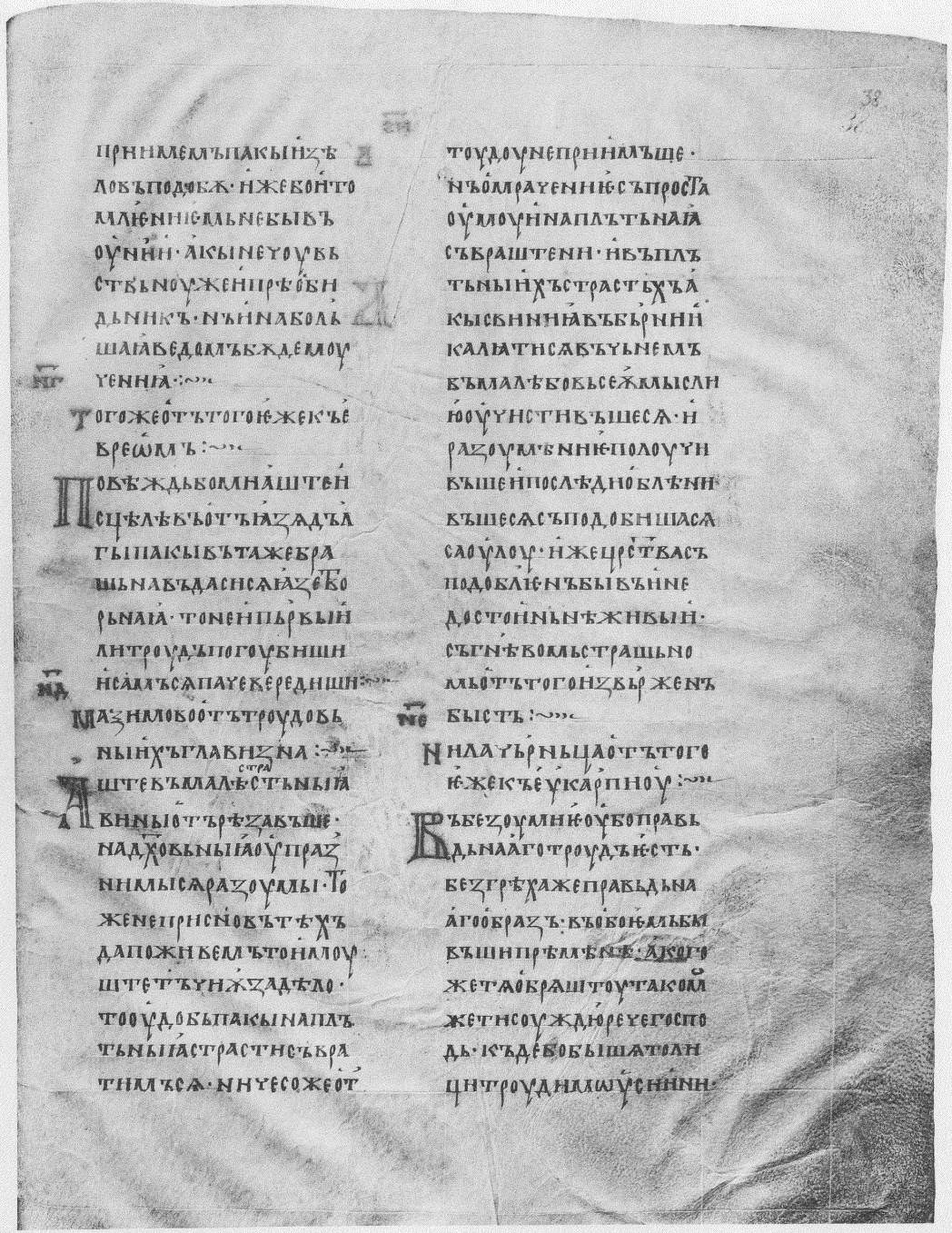


ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ 1056—1057 г.
Сн. 1 — верх 1-го стлб. л. 127, сн. 2 — верх 2-го стлб. л. 267 об.,
сн. 3—низ л. 153 об.

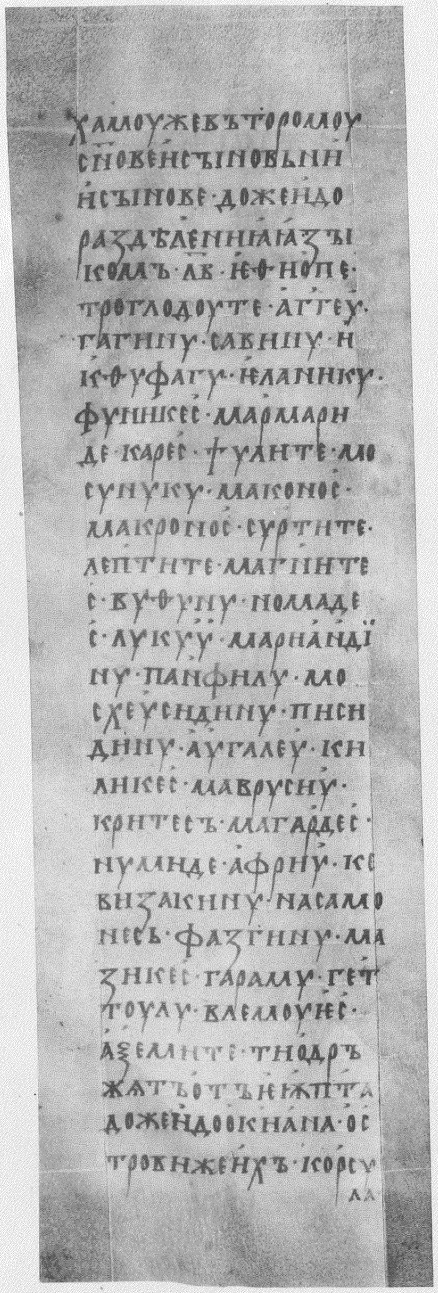


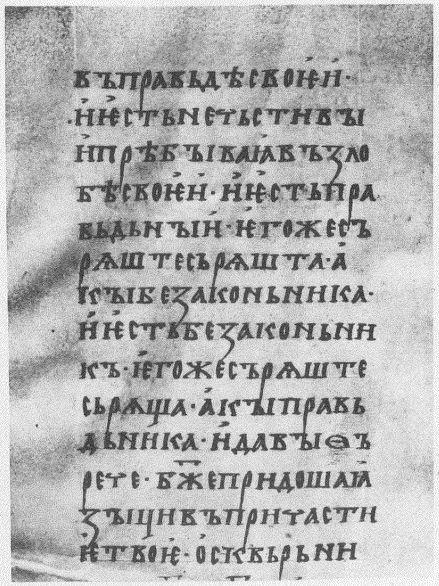
СВЯТОСЛАВОВ СБОРНИК 1073 г.
л. 263 об.

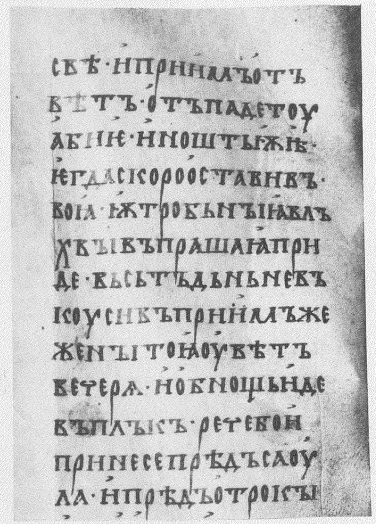




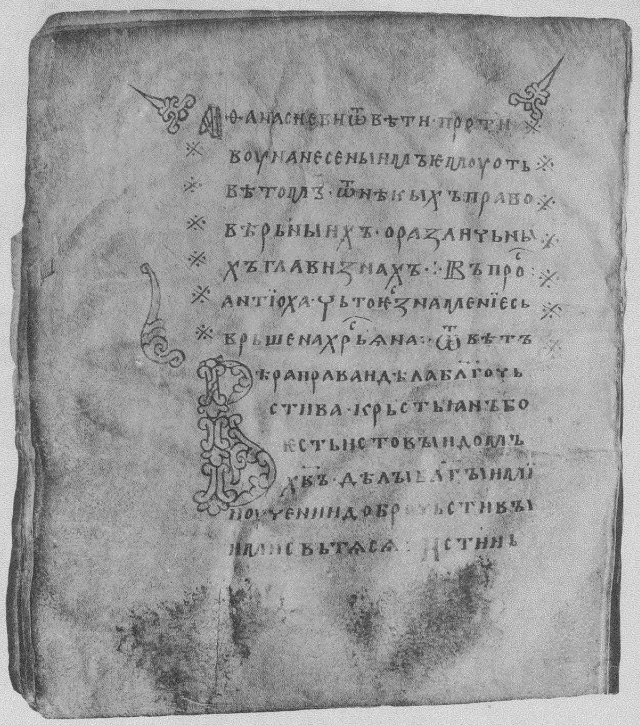
СВЯТОСЛАВОВ СБОРНИК 1073 г.
Сн. 1—стлб. 1 л. 86, сн. 2—л. 38.

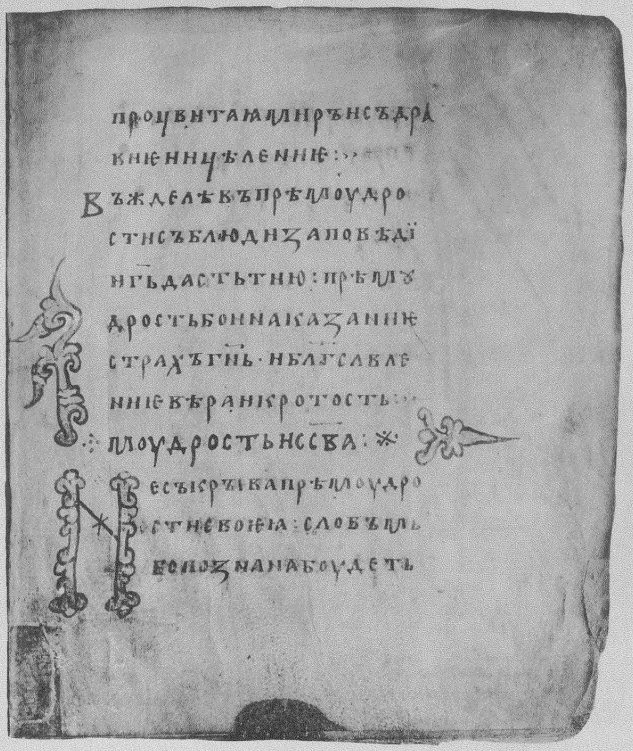


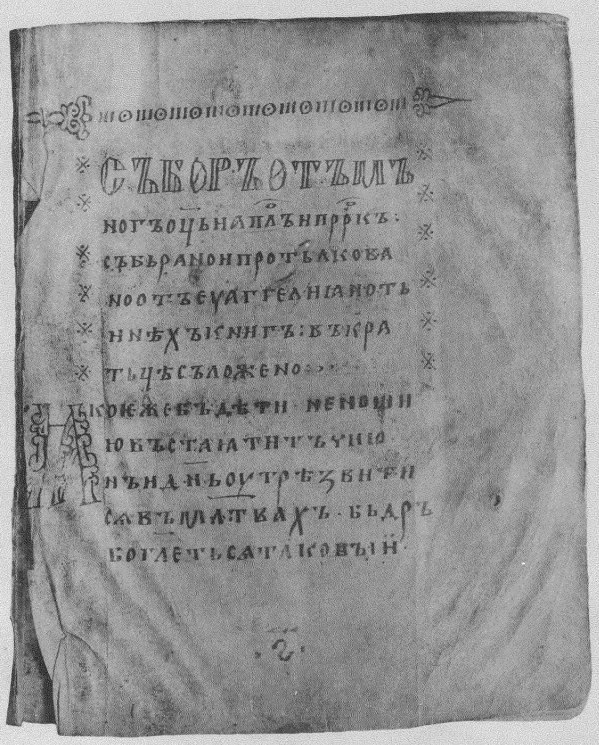


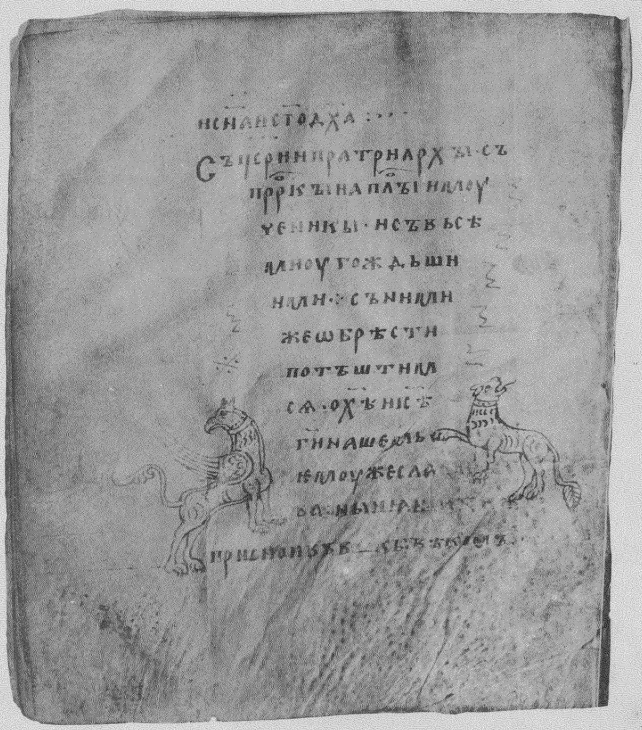


СВЯТОСЛАВОВ СБОРНИК 1073 г.
Сн. 1 — стлб. 1 л. 138 об., сн. 2 — верх 1-го стлб. л. 109, сн. 3 — середина 2-го стлб. л. 62 об., сн. 4—верх 2-го стлб. л. 119 об., сн. 5—верх 2-го стлб. л. 122 об.

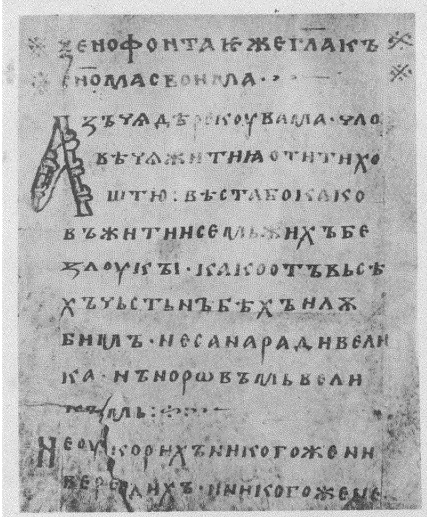


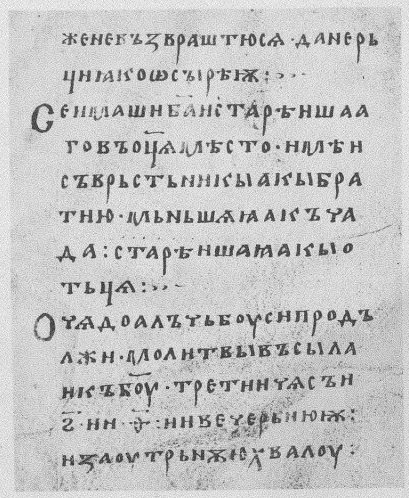


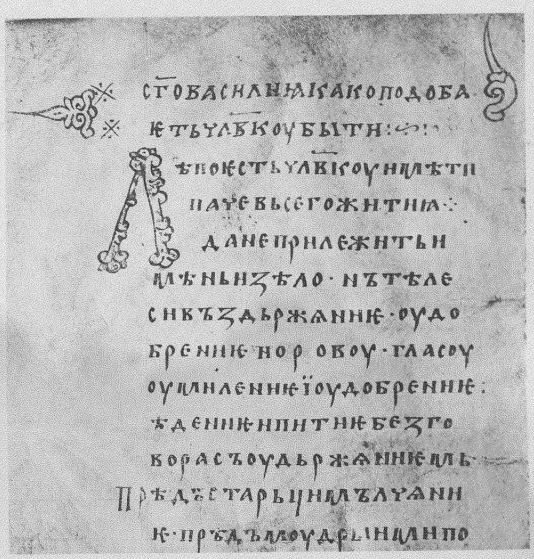


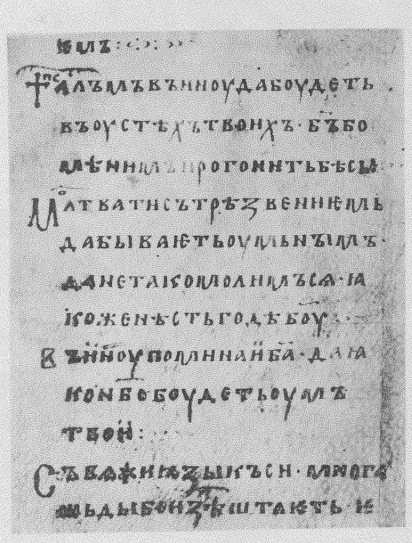


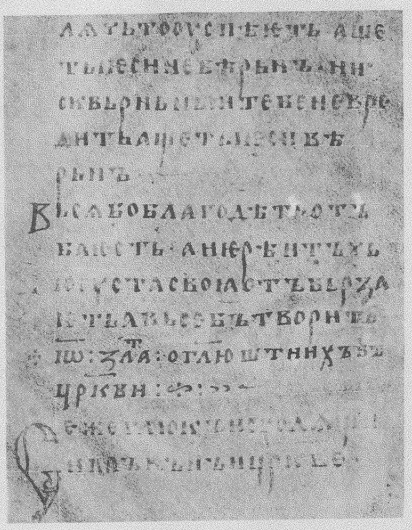
СВЯТОСЛАВОВ СБОРНИК 1076 г.
Сн. 1—л. 115 об., сн. 2—л. 185, сн. 3—л. 229, сн. 4—л. 109 об.

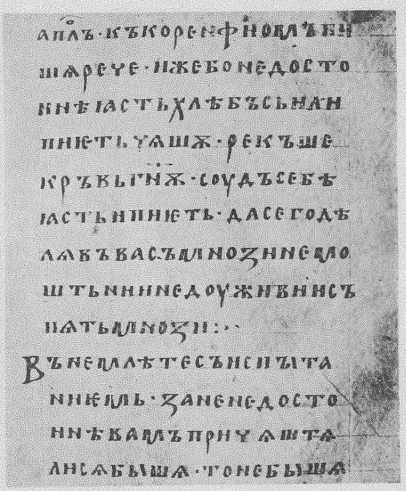


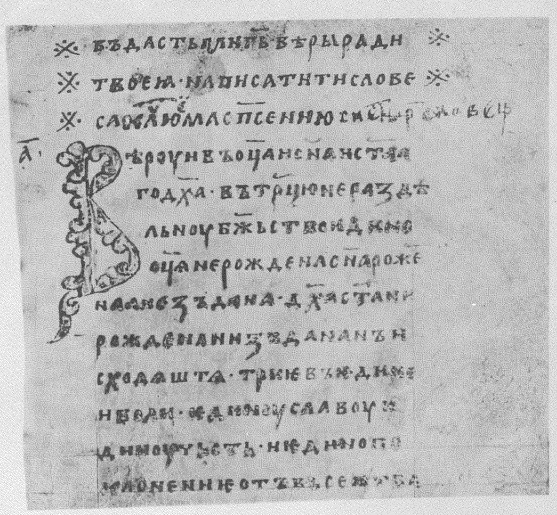


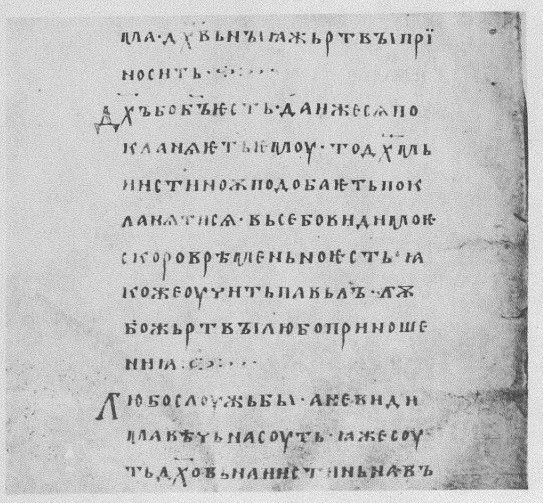




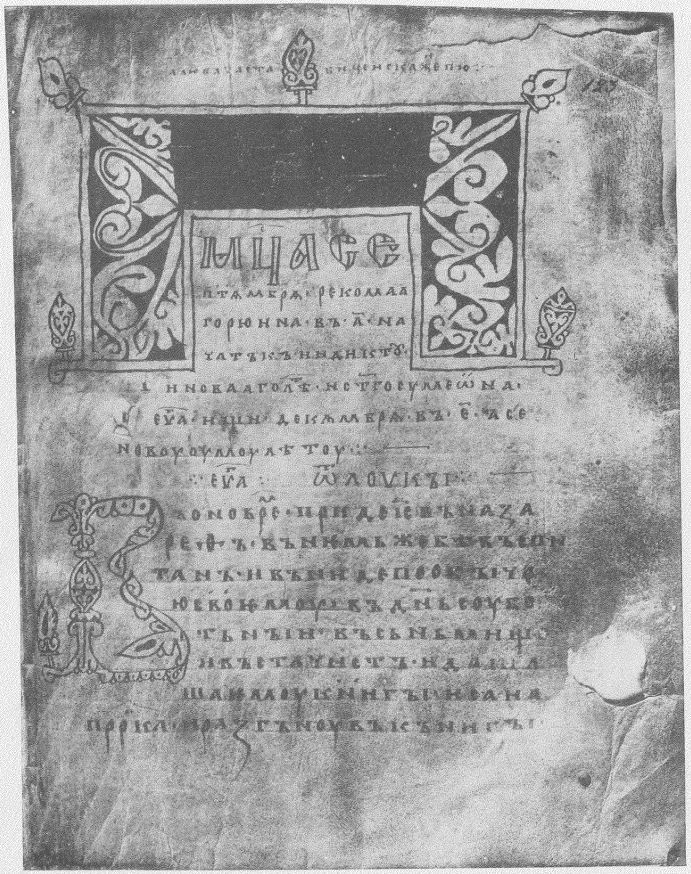


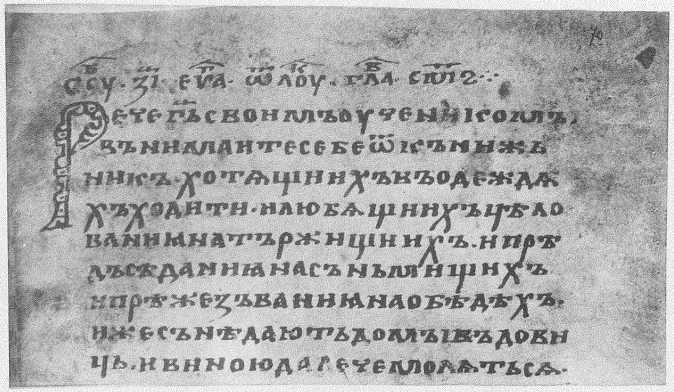




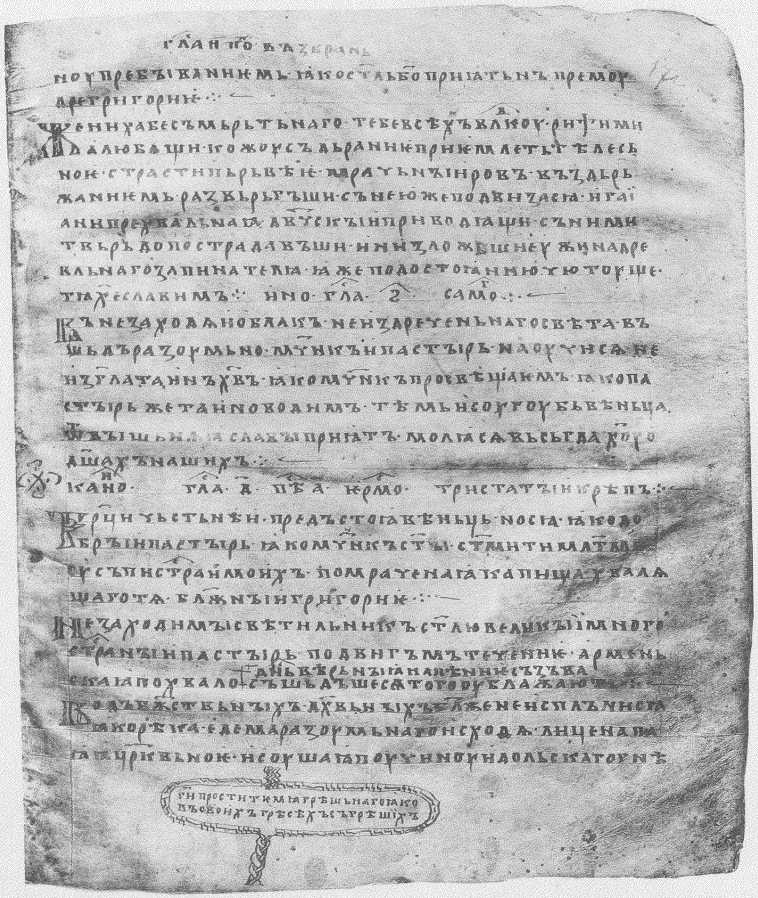


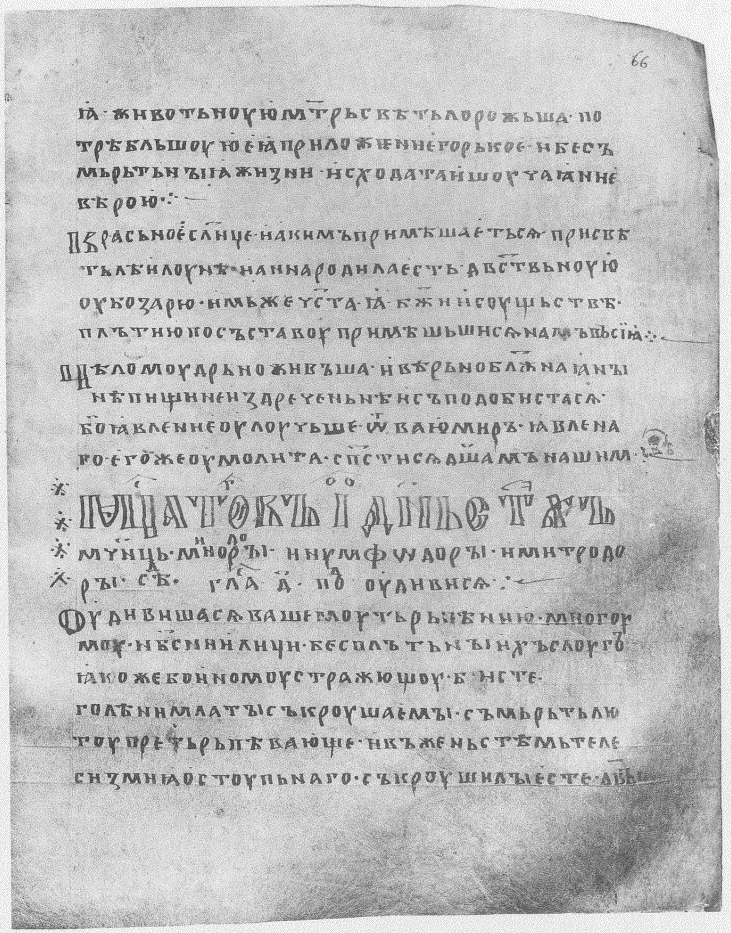
СВЯТОСЛАВОВ СБОРНИК 1076 г.
Сн. 1—л. 110, сн. 2—л. 113 об., сн. 3—л. 102 об., сн. 4—л. 65, сн. 5—л. 260 об., сн. 6—л. 123, сн. 7—л. 30, сн. 8—л. 120 об.



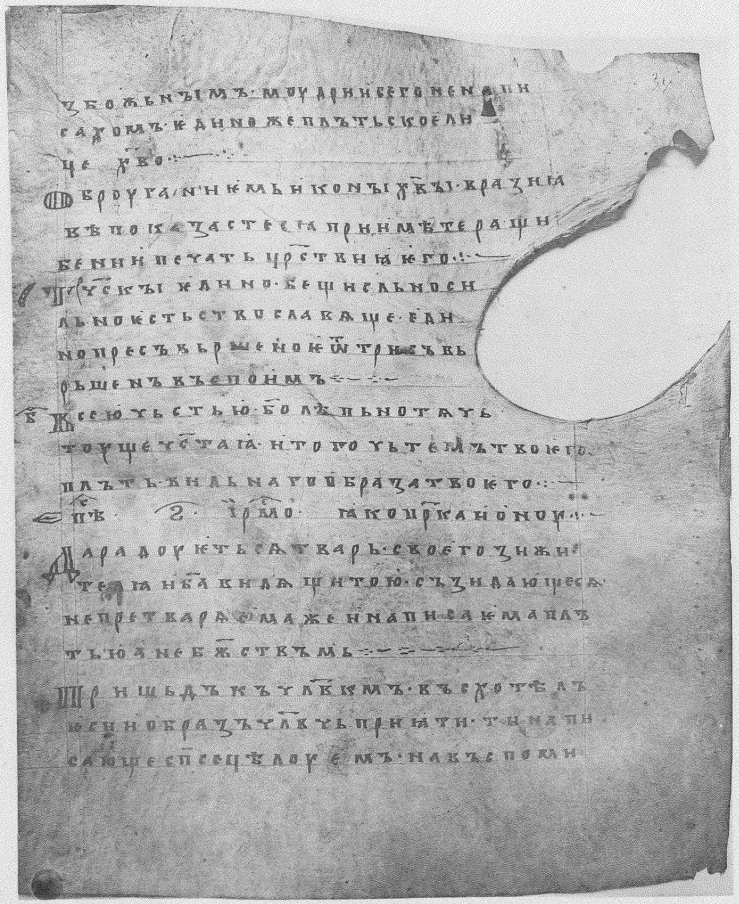


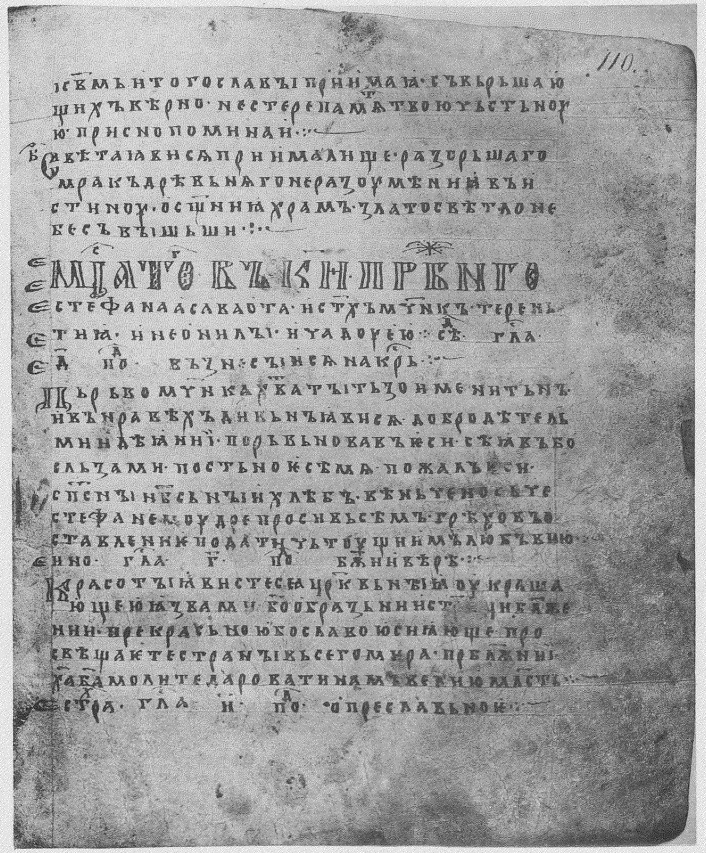
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ 1092 г.
Сн. 1—л. 123, сн. 2—верх л. 70, сн. 3—низ л. 24 об.



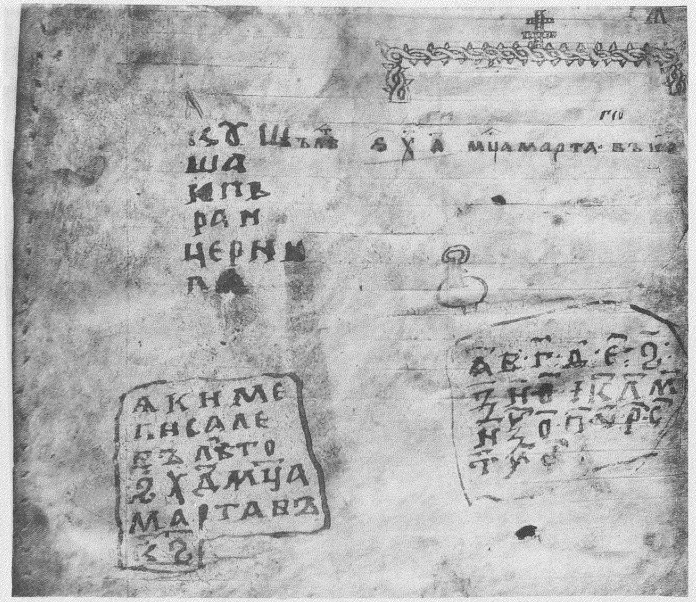


МИНЕЯ 1095—96 г.
Сн. 1—л. 172, сн. 2—л. 66.

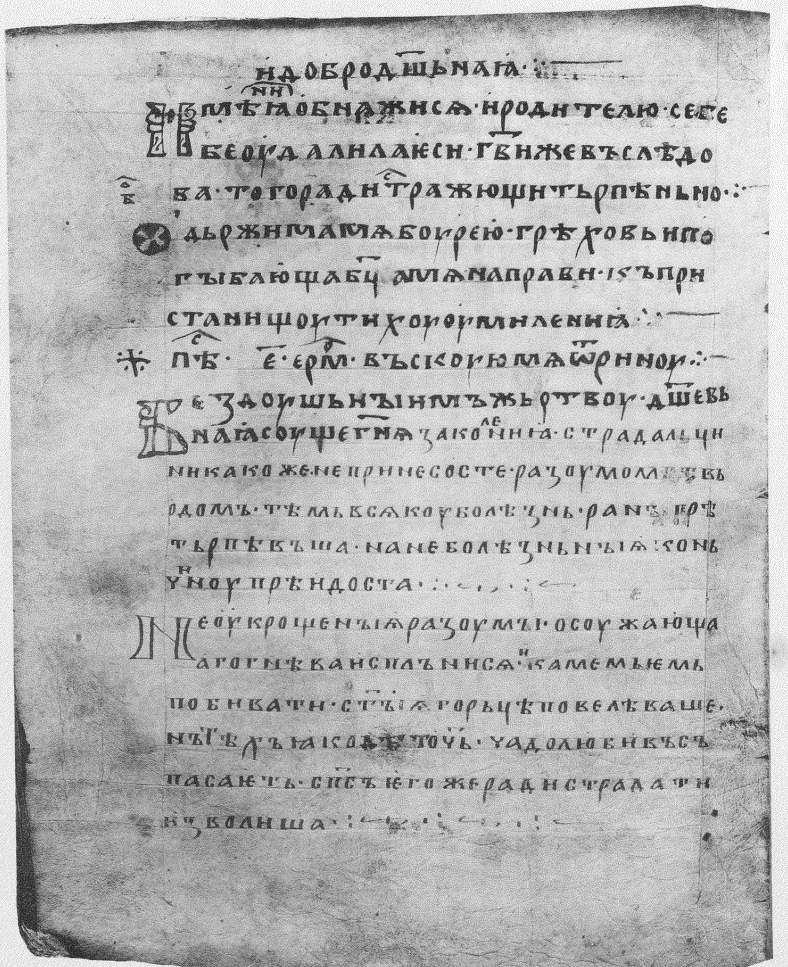




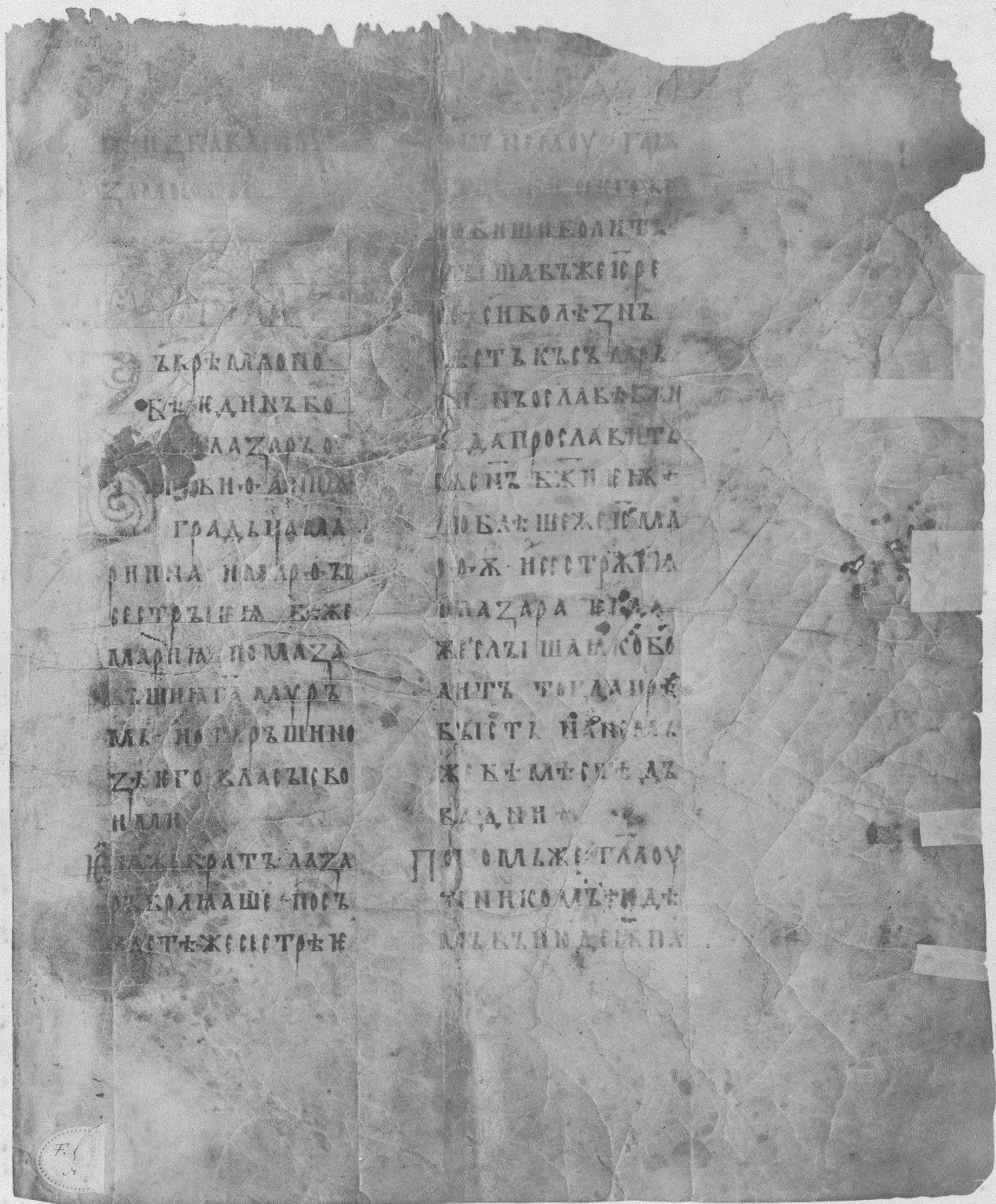
МИНЕЯ 1096 г.
Сн. 1—л. 34, сн. 2—л. 110.



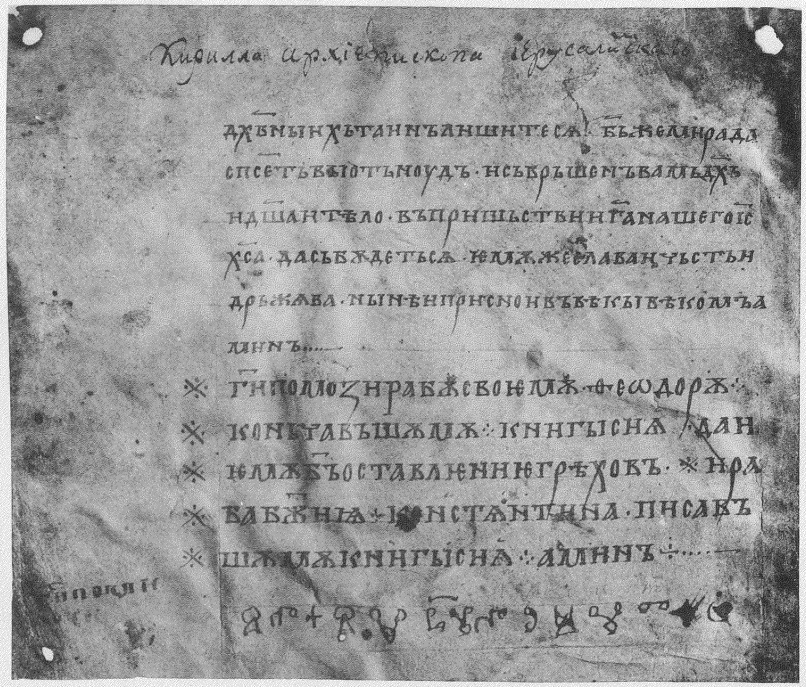
МИНЕЯ 1096 г.
Сн. 1—л. 1 об.



МИНЕЯ 1097 г.
Сн. 2—л. 37 об., сн. 3—верх л. 171 об.



ПОУЧЕНИЯ КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО XI в.
л. 1.

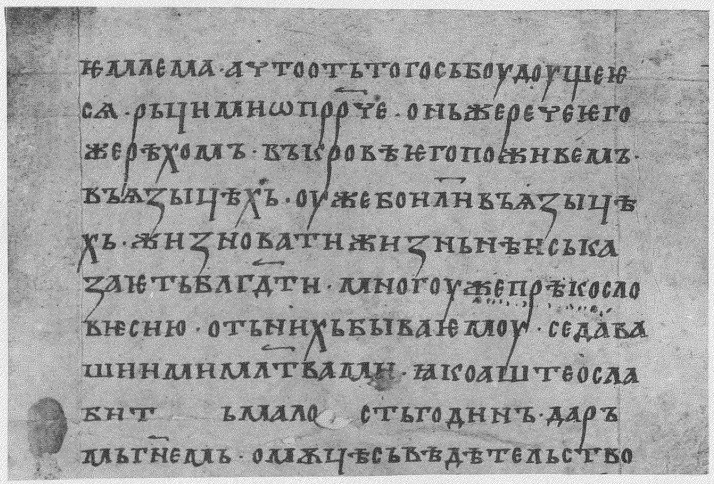


Кирилла архіепископа іерусалимскаго

дъвнынхъганнъаншнчесѧ. бъѣлинрадд
спсетъвѣютъноудъ·нсъкрѣшемъвалѣдхъ
ндшантѣло·въпрнщьствнганашегоіс
хсд·дасьвждетьсѧ·нлнжѣслабаңтьстьн
дрьжава·нын·ънпрнсноновъѣкыѣкомъа
лнн̃ъ.....

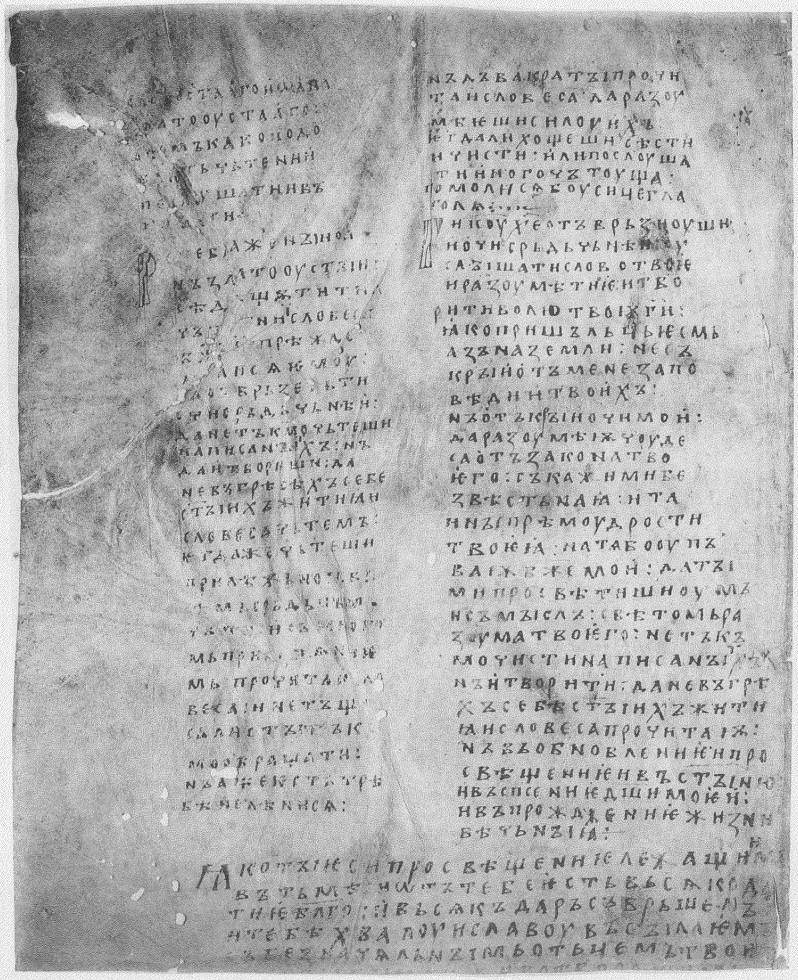
※ гнподлоꙁнрабѧсвоѣлѧ·ѳеѡдорѧ·
※ конѣтавъшѧдѧ·нннгысна·дан
※ нлнжѣъостакленнѣгрѣховъ·※нра
※ вабжнѧ·нѡнстантнна·пнсакъ
※ шьѣлнжкннгысна·алнн̃ъ·.....

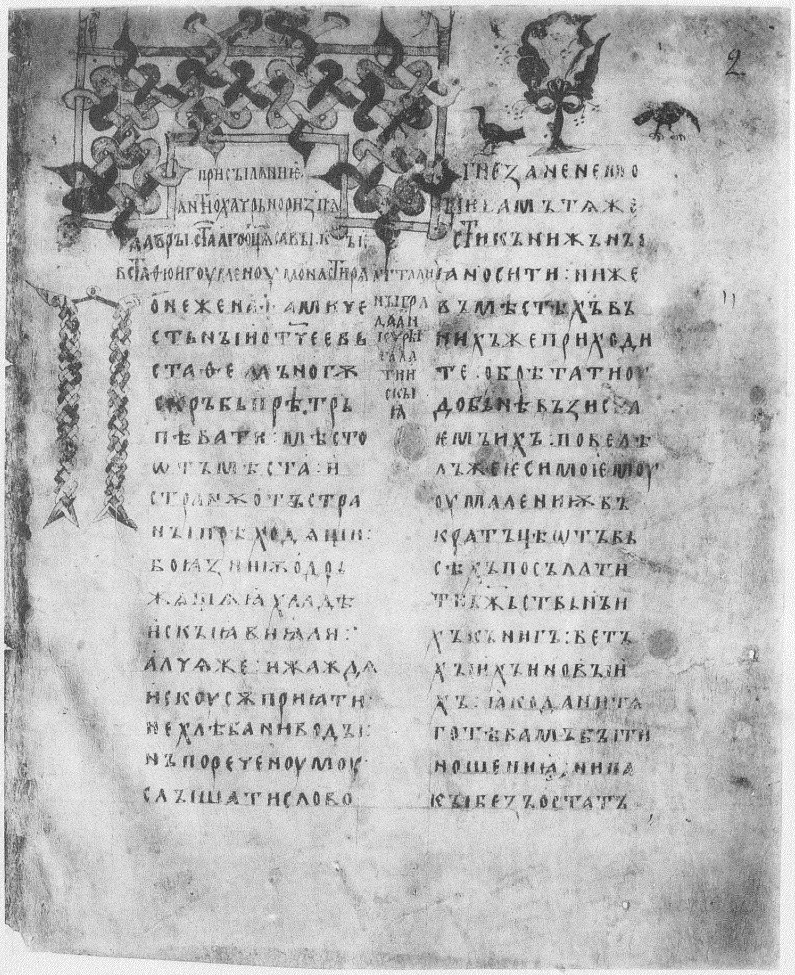
※ ѳглашенннѣ·к·нроскѣ
※ штенынлъ·кънерслмѣ·нопокаанни·нѡста ※
※ бленнигрѣховъ·нчьтенѣѣотьпррка·нѣзѣкн ※
※ нла·жнвъазъгатьтъ·наконѣвлоусъмьртн·трѣ ※
※ шьнна·нпрочѣе.....
ютоѣгрѣхъ·нѣеджгъгажыкъдшн·заѣо
напрѣстоупленнѣ·прѣсѣкаганжнлы·
ногнавѣчьнабывавѣновынъ·злоса



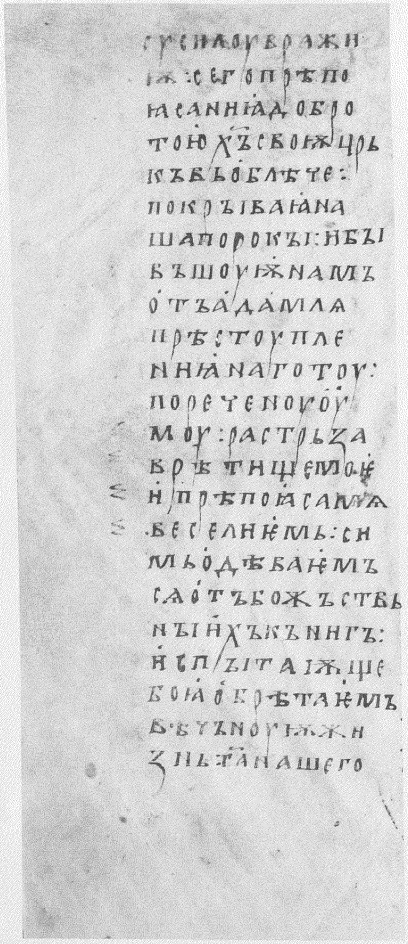
ллллема·аутоотьтогосьбоудущею
са·рьцнлншпрочѣ·оньжеречѣюго
жерѣхомъ·въкровѣѣгопожнкелъ·
въазыцѣхъ·оужебонлнѣъазыцѣ
хь·жнзновагнжнзньнѣнська
заѣтьблгдти·лногоужепрѣкосло
бѣсню·отьнихьбываѣлоу·седава
шннлнлгбалдн·наколштеосла
бнт ьлмало стьгоднъ·даръ
льгнедль·олжщѣсьѣдѣтельствѡ

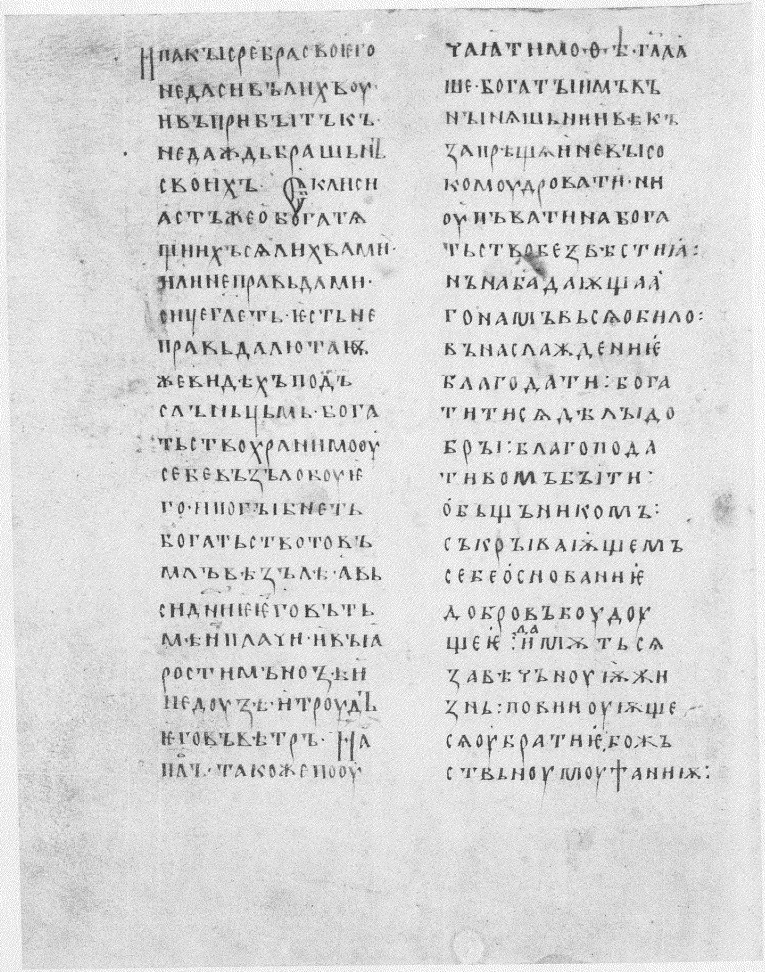
ПОУЧЕНИЯ КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО XI в.
Сн. 1—л. 270 об., сн. 2—верх л. 8 об., сн. 3—верх л. 135.

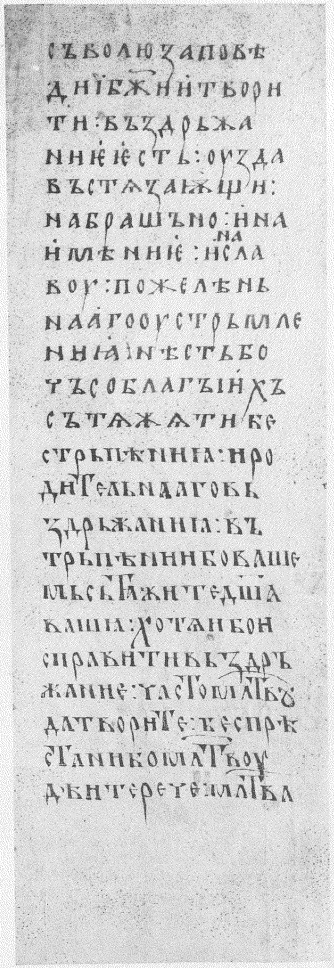




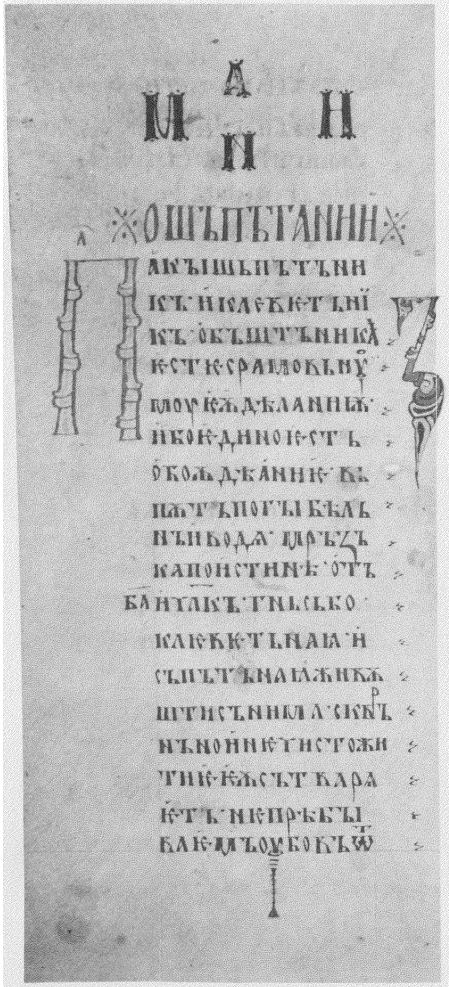
ПАНДЕКТЫ АНТИОХА XI в.
Сн. 1—л. 1 об., сн. 2—л. 2.

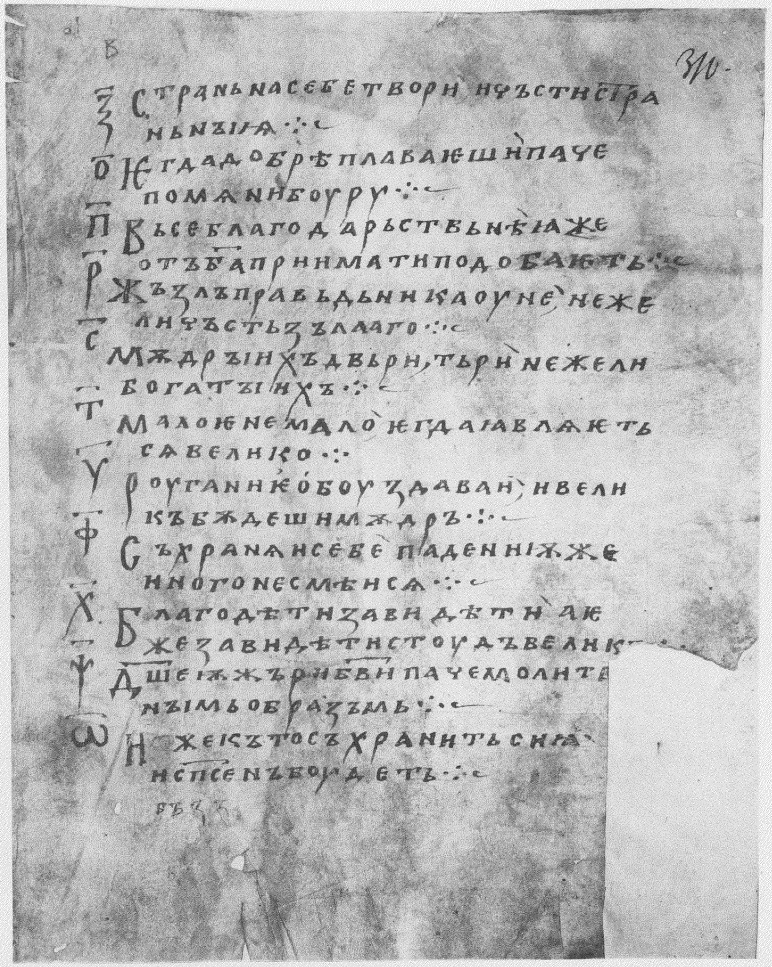


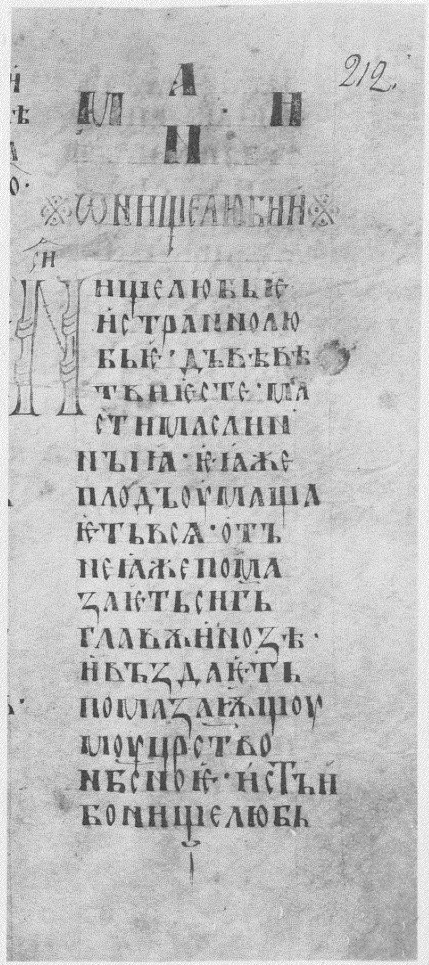




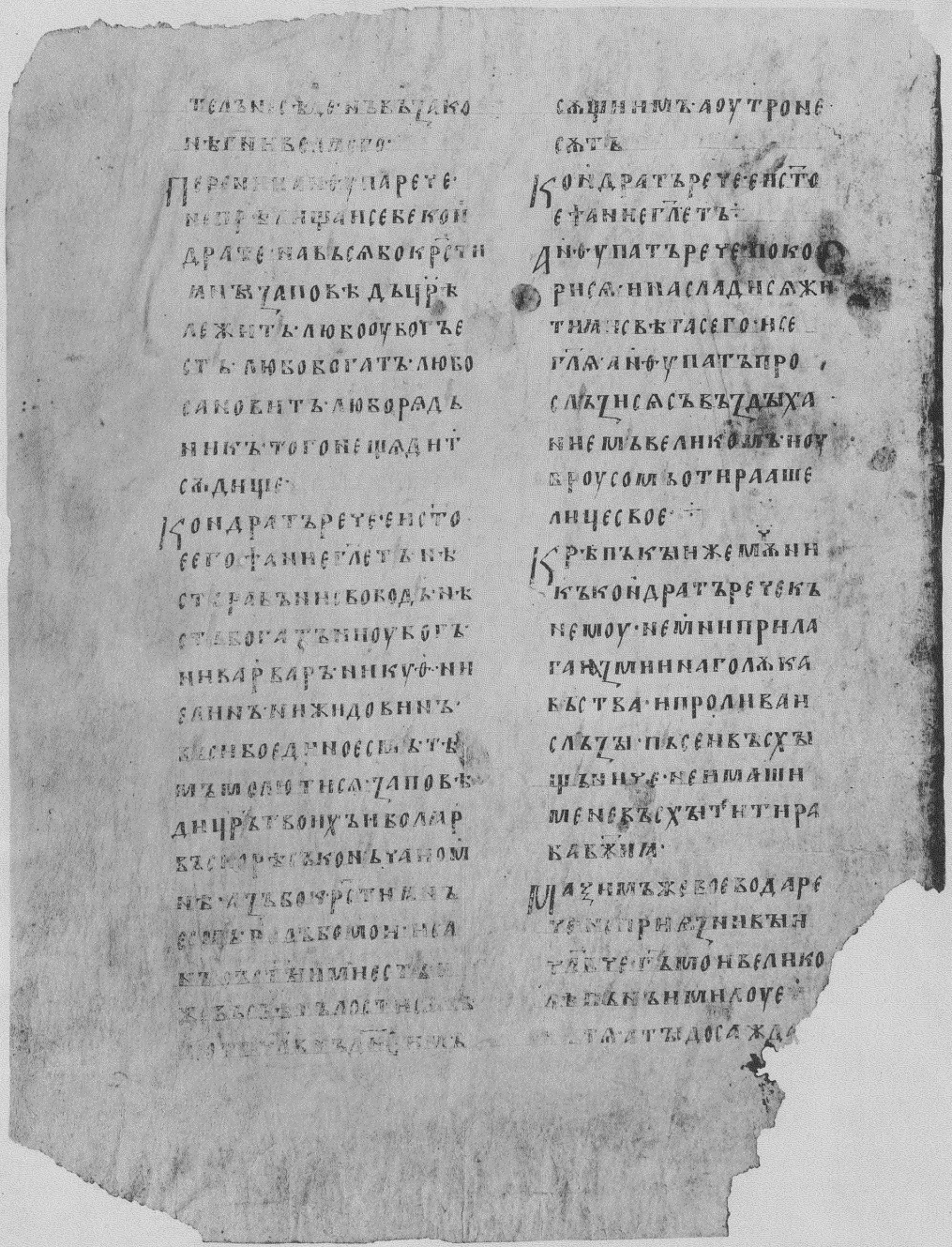
ПАНДЕКТЫ АНТИОХА XI в.
Сн. 1—стлб. 1 л. 8 об., сн. 2—л. 30 об., сн. 3—стлб. 2 л. 212 об.



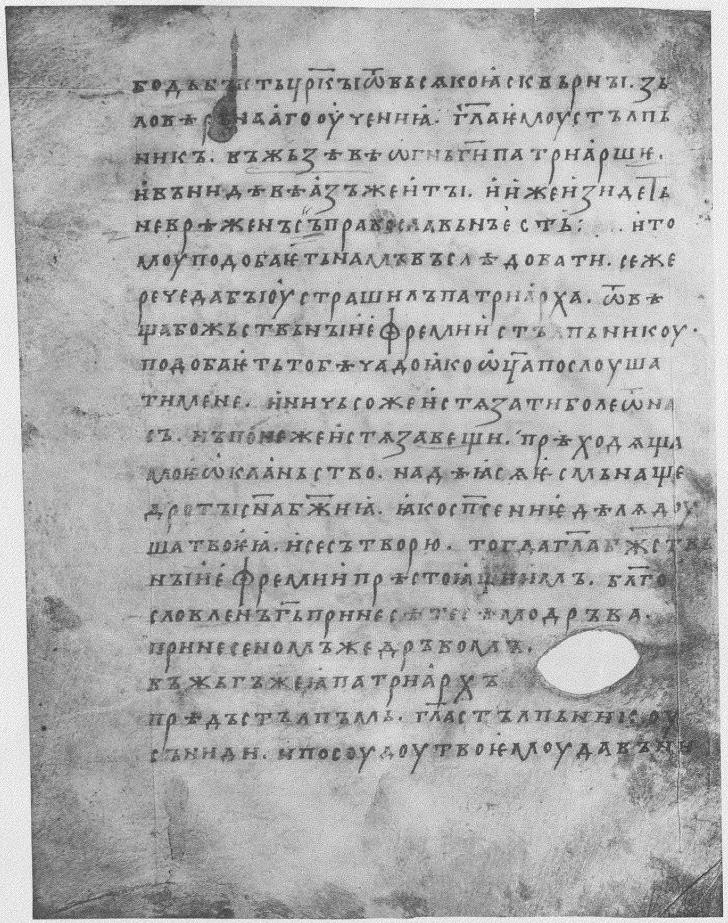


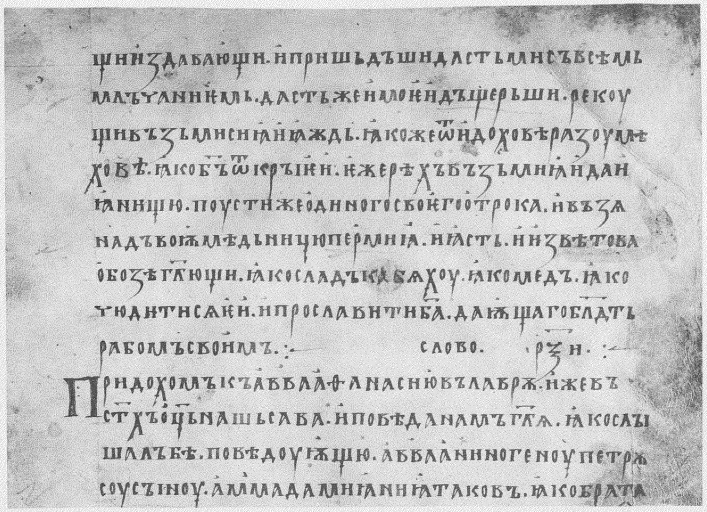


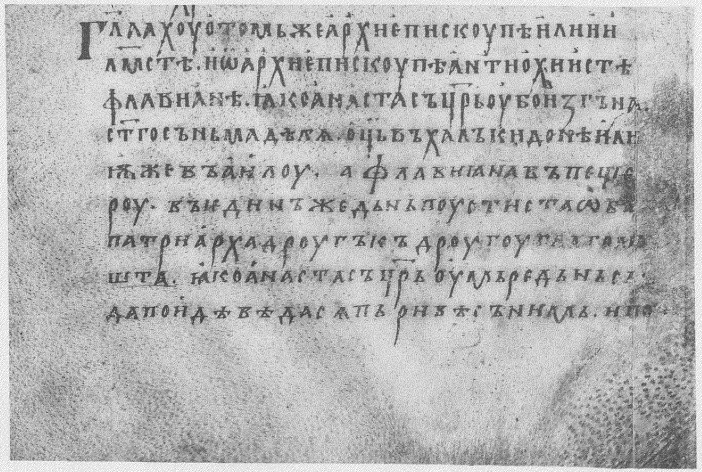
ПАНДЕКТЫ АНТИОХА XI в.
Сн. 1—стлб. 1 л. 73 об., сн. 2—л. 310, сн. 3—стлб. 2 л. 212 об.



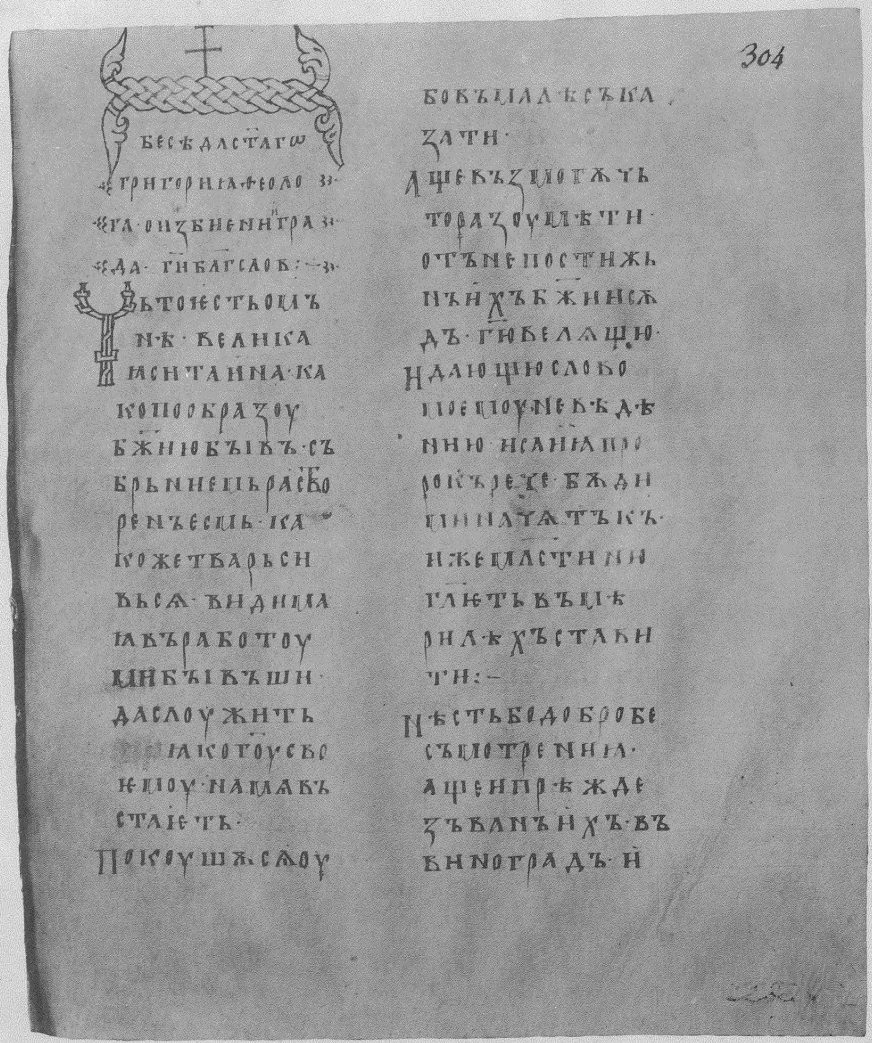
ОТРЫВОК ЖИТИЯ КОНДРАТА XI в.



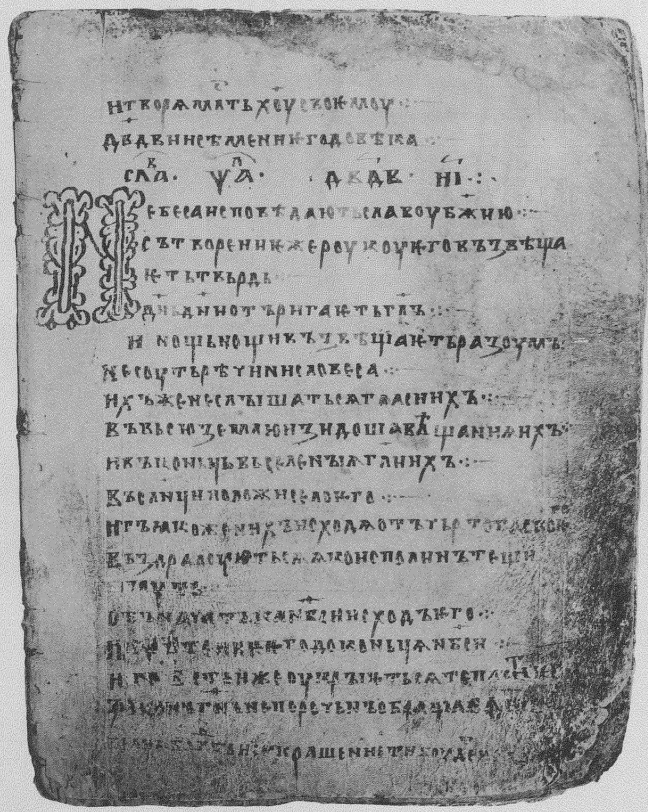




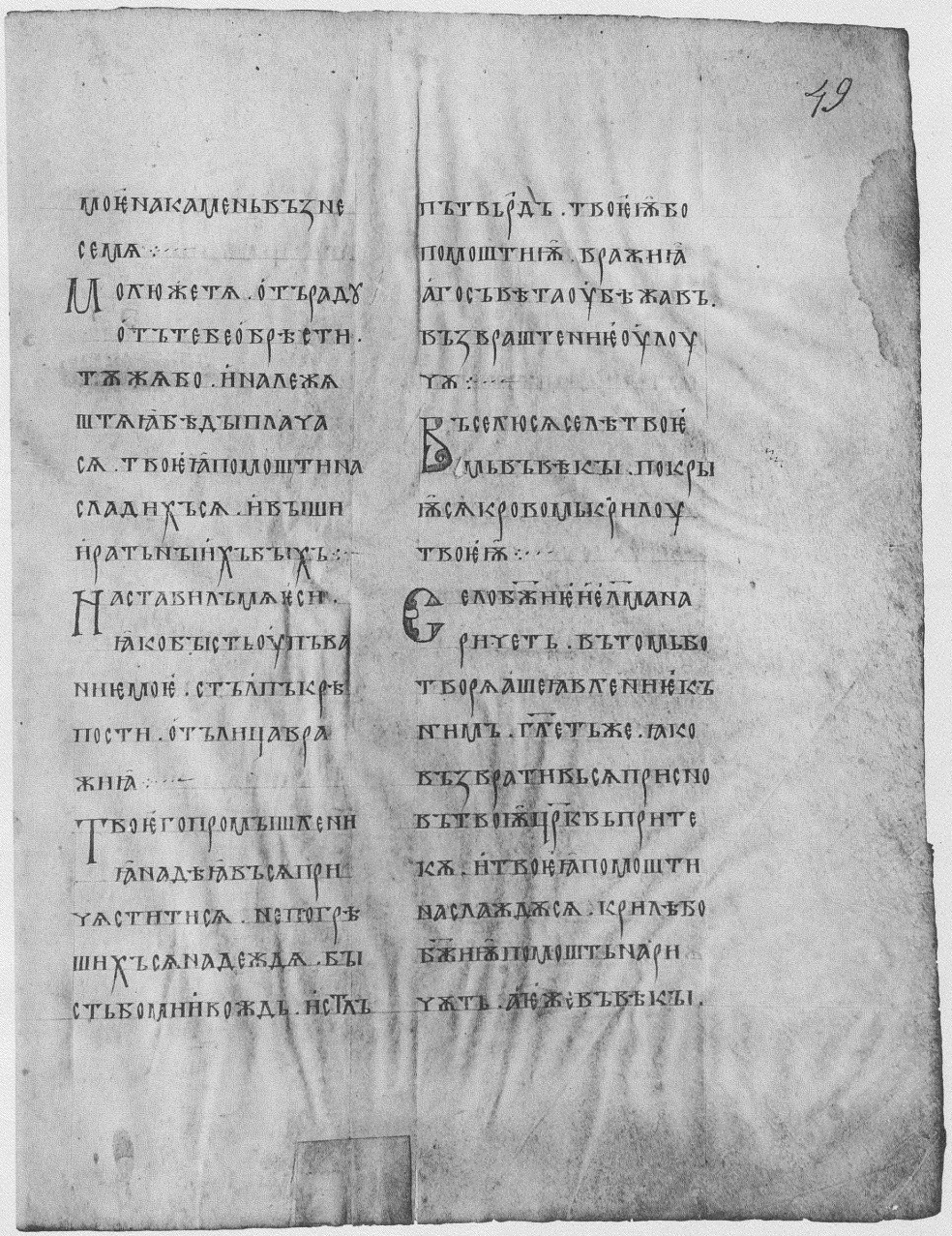
СИНАЙСКИЙ ПАТЕРИК.
Сн. 1—л. 22 об., сн. 2—верх л. 90 об., сн. 3—низ л. 21 об.



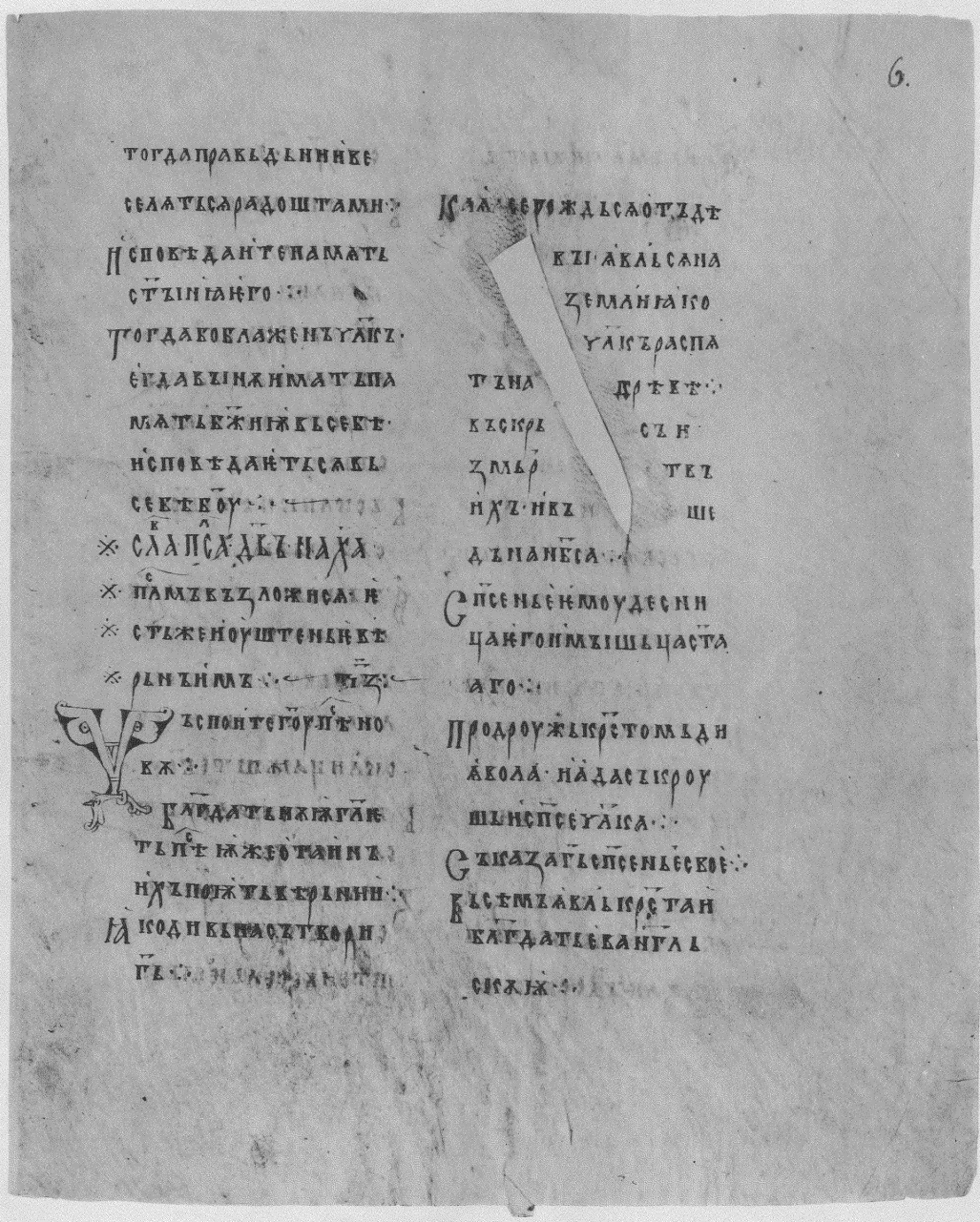
1 — СЛОВА ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА XI в. л. 304.



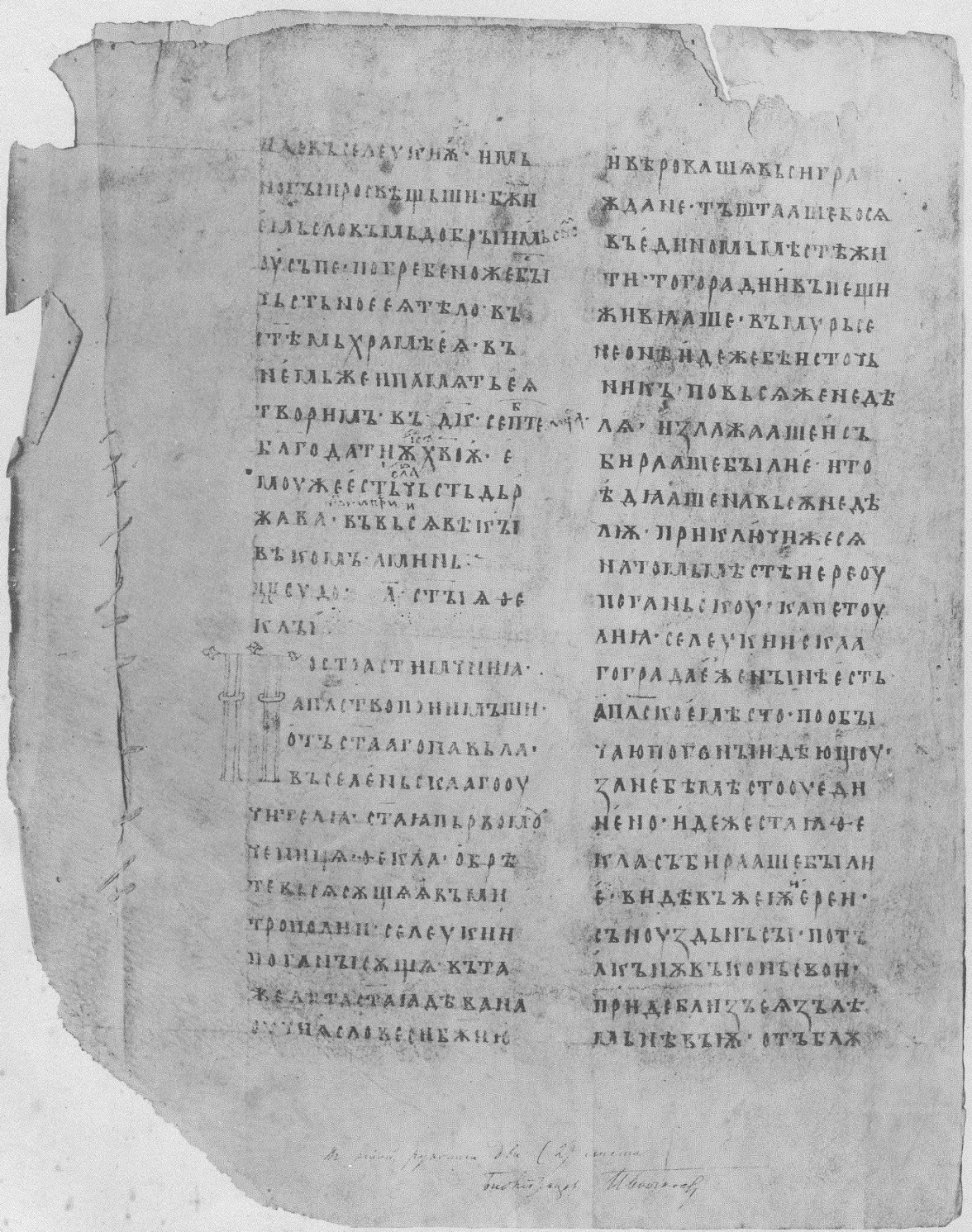
2 — ПСАЛТЫРЬ СОБРАНИЯ БЫЧКОВА № 2.



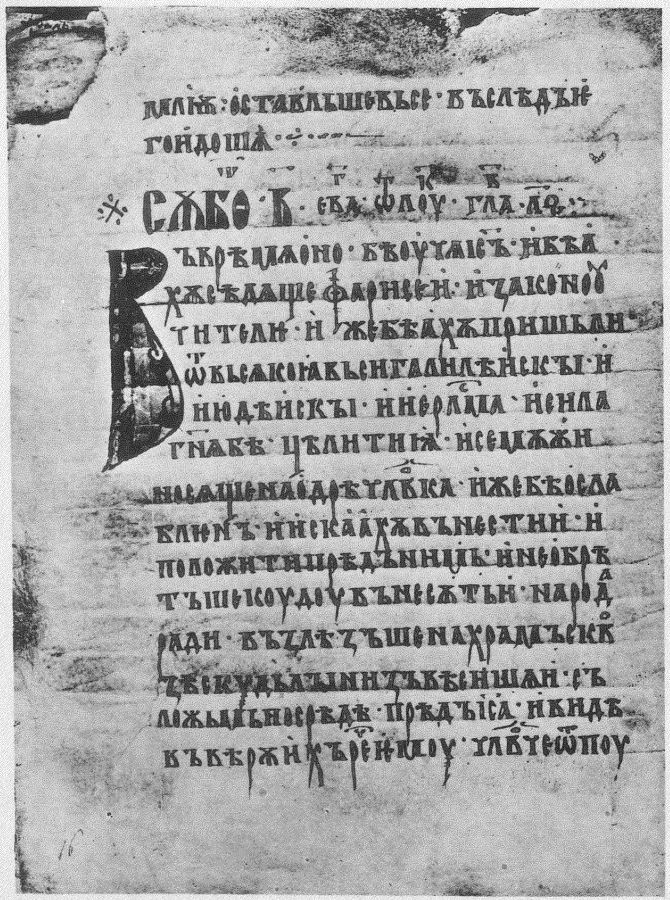
ПСАЛТЫРЬ ЧУДОВСКОГО СОБРАНИЯ.
л. 49.



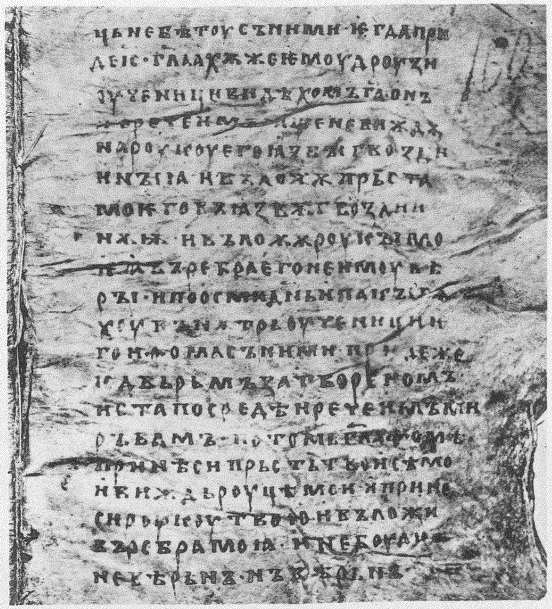
ЕВГЕНЬЕВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ
л. 6.

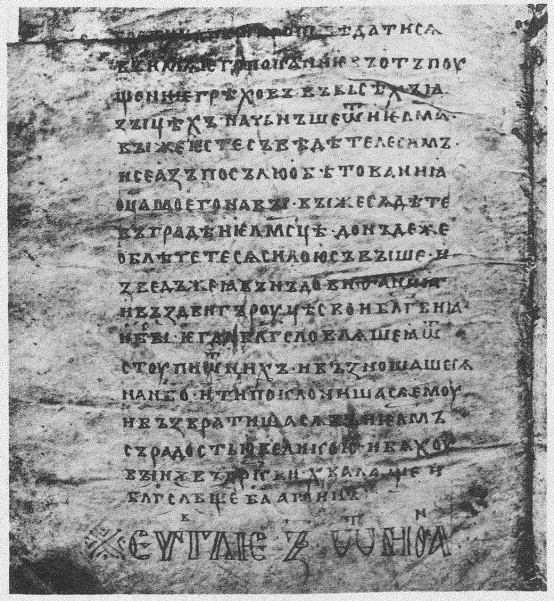


ОТРЫВОК ЖИТИЯ ФЕКЛЫ XI в.

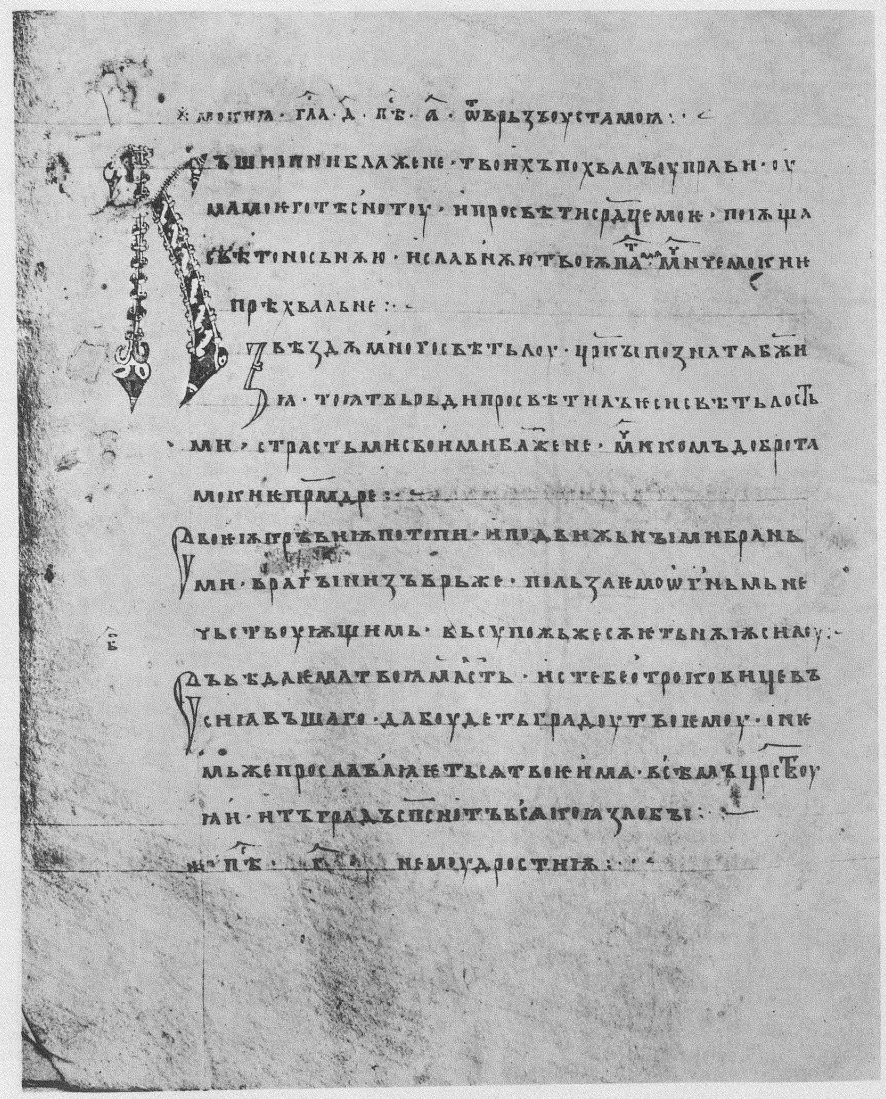


1. ТУРОВСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ XI в.

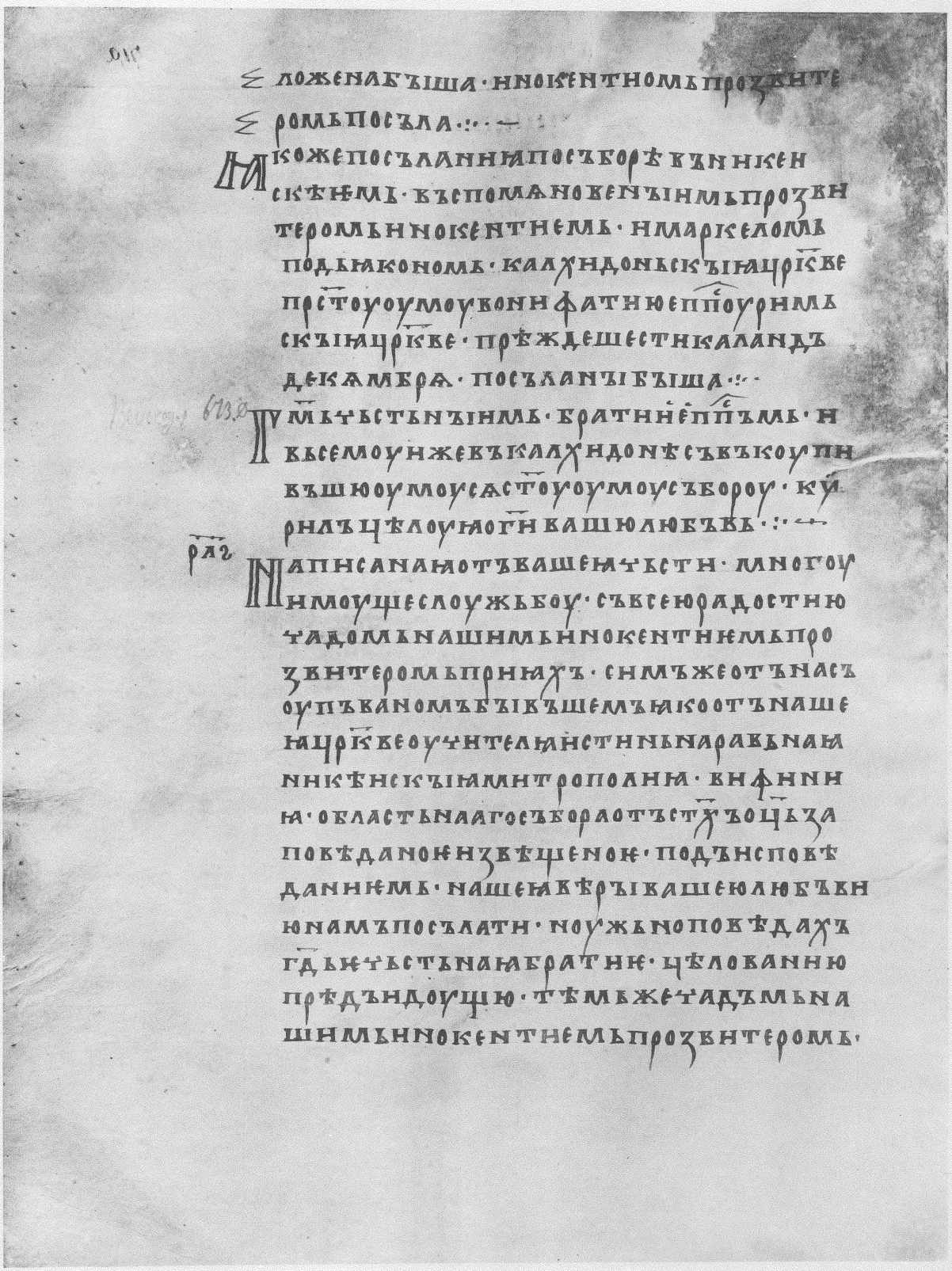




2. РУССКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К САВВИНОЙ КНИГЕ
лл. 152—163.



ПУТЯТИНА МИНЕЯ XI—XII в.



ЕФРЕМОВСКАЯ КОРМЧАЯ
л. 177 об.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ